

LitRPG

МОНСТР

ЛАМБЕРТ

ОЛЕГ

Владимир ВЕНГЛОВСКИЙ

ХАРДКОР

Владимир Венгловский

Хардкор

Серия «LitRPG»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11788504
Венгловский, Владимир Казимирович. Хардкор : [фантастический
роман]: «Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83391-7*

Аннотация

Мир недалекого будущего...

Все больше людей сбегает в призрачную, но такую увлекательную виртуальную реальность онлайн-игр. И все чаще люди исчезают в этой реальности навсегда, оставляя своим родным кучу проблем. Но, как это бывает, новые проблемы породили новую профессию. Игорь Ламберт – «ретурнер», особенный человек, который чувствует Сеть и не поддается влиянию пространства Чендлера, где могут навсегда потеряться другие. Когда сын старого друга «зависает» в игре, Игорь, не задумываясь, спешит на помощь. Но не все так просто. Там включен режим «хардкор», и гибель виртуала равнозначна смерти в реальности...

Содержание

Взгляд в прошлое	5
Первая авантюра	10
Вторая авантюра	35
Третья авантюра	59
Четвертая авантюра	87
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Владимир Венгловский

Хардкор

© Венгловский В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Взгляд в прошлое

Ретурнер

– Мой конь притомился. Стоптались мои башмаки.

Куда же мне ехать? Скажите мне, будьте добры.

– Вдоль Красной реки, моя радость, вдоль Красной реки,

До Синей горы, моя радость, до Синей горы.

Булат Окуджава «Ночной разговор»

Солнечные лучи, прошедшие сквозь витражи тронного зала, разноцветными кляксами разбрызгивались по каменному полу и колоннам. Стекланные картины славных побед прошлого должны были внушать страх и благоговение перед властелином, но врывавшиеся в зал крики и звон оружия стирали этот эффект.

Лестница у входа была завалена людьми: своими и врагами, гвардейцами и мятежниками, мертвыми и еще живыми. Один из стражей, в груди которого торчал арбалетный болт, попытался схватить поднимающегося в зал человека. Тот наступил на протянутую руку – до стога, до хруста стальной перчатки – и продолжил свой путь. Сидящий на троне князь с испугом наблюдал за приближающимся человеком. Враг был высокий и светловолосый, не похожий на

местных крестьян, скорее, высокооплачиваемый наемник из северных земель. Его кожаные доспехи были покрыты пятнами крови.

У трона стояли трое. Отборные воины, элитная гвардия в черных доспехах с закрытыми шлемами в виде оскаленных собачьих морд. Все, кто остался после нескольких дней сражений. Никто не ожидал, что повстанцы, обычно неуправляемый сброд, в этот раз смогут взять замок. Тот, кто возглавил восстание, теперь подходил к трону.

Один гвардеец выбежал навстречу – самый быстрый или самый преданный? Болты к арбалетам давно закончились. В его руках тяжелый полуторный меч. Взмах... Северянин легко ушел от удара – шаг в сторону, пропуская свистнувший клинок, шаг вперед, и его руки сами выполнили заученные до рефлексов движения. Лезвие меча попало в незащищенную область между маской и нагрудником. Гвардеец упал, сначала на колени, держась за горло, а потом на живот, лицом вниз. Полуторный меч зазвенел, ударяясь о пол.

Впереди двое – те же оскаленные железные морды с клыками. Северянин парировал выпад первого – мечи столкнулись до боли в пальцах – и уклонился от удара второго. Но недостаточно проворно – острое вспороло кожаную куртку на боку и оцарапало кожу.

Первому гвардейцу северянин отрубил руку. Стремительное движение, свист меча, и она упала на камни, все еще сжимаемая оружием. Гвардеец схватился за обрубок, попытлся

к колонне. Наемник развернулся ко второму и, прежде чем тот успел опустить меч, ударил по ногам, размашисто, со всей силы, чувствуя, как клинок проходит сквозь металл, кожу и кости. Гвардеец без звука тяжело повалился на спину.

Северянин наступил на грудь упавшего врага и всадил острие меча в незащищенную шею. Первый гвардеец в это время пытался подобрать меч целой рукой. Из обрубка лилась черная кровь. На солнце поползла туча, свет и тень на полу сменили друг друга. Гвардеец поднял голову и посмотрел на северянина сквозь прорезь в маске. Наемник остановился, подняв обеими руками оружие над головой. «Ну же, бери меч! Ты знаешь, чего я жду», – читалось в его взгляде. Гвардеец рванулся, схватил меч в тщетной попытке вогнуть острие в живот северянину. Но тот легко отбил выпад и нанес рубящий удар по черной маске. Один, второй... Гвардейца отбросило к колонне. Он с грохотом ударился спиной и сполз на пол. С его головы слетел искореженный шлем.

Северянин замер. Врагов больше не было. В звонкой тишине стало слышно, как судорожно дышит князь.

Наемник подошел к трону, сел на подлокотник и улыбнулся.

– Алешка, – сказал он. – Как я долго к тебе шел. Заставил же ты меня попотеть.

Рука князя метнулась, метя кинжалом в грудь врага, но

северянин успел схватить ее за запястье. Кинжал выпал, князь скривился от боли. Из его глаз потекли непрошеные слезы.

– Надо же, какой ты, оказывается, приткий, – сказал северянин. – Знал бы, что будут такие проблемы, взял бы с твоей матери большие. Помнишь ее?

Князь замер, неотрывно глядя на северянина.

– Вижу по глазам, что помнишь, – ухмыльнулся наемник. – Меня, кстати, Игорем звать. Сейчас будет ускоренный сеанс психотерапии. Времени у нас мало, минуты три, не больше, пока не сбегутся мои люди. Отвечай, помнишь, где жил раньше?

– Родовой замок Олгери во Фронтире, – сказал князь дрогнувшим голосом. – Младший сын, без права наследования. Я сам собрал армию и отвоевал замок в далеких землях.

– Какой ты, пострел, молодец! Мать вспомнил? Не ту, что в замке, а настоящую. Аделаида Олеговна, бухгалтер, светлые волосы, отца у тебя нет, ну?

– У меня была маленькая комната и письменный стол с компьютером, – прошептал князь. – Я учился в пятом классе. Но ведь это сон. Этого никогда не было. Откуда ты знаешь мои сны?

– Это не сон, малыш, – Игорь распустил пятерней волосы князя. – Это реальность. А вокруг нас игра, сожравшая тебя с потрохами. Я – ретурнер, тот, кто возвращает таких, как ты.

– Не сон...

– Отвечай быстро, как тебя зовут?

В тронный зал вбежали несколько мятежников.

– Алексей, – сказал князь. – Алексей Поляков. Кажется...

– Можешь выйти сам? – бросил Игорь. – Вызывай игровое меню.

– Я не знаю, как, – неуверенно посмотрел на Игоря князь.

– Ольгерт! Чего возишься, кончай его, – закричали из толпы. Кто-то вскинул тяжелый гвардейский арбалет.

– К черту, – сказал Игорь и схватил князя за голову.

Вспышка – и они исчезли из тронного зала. Как и не было. Стальной болт ударил неожиданно метко, со щелчком пробил дерево и остался торчать в спинке опустевшего трона.

Первая авантюра Виртлайф

За окном шел дождь – тягучий и промозглый, когда все небо затянуто тучами и кажется, что сбегаящие по стеклу мутные потоки никогда не закончатся. Капли стучали по жестяному отливу. Между двойными стеклами еще с прошлой весны лежаладохлая муха, и было совершенно непонятно, как она ухитрилась забраться в середину стеклопакета. На подоконнике стоял кубок с выгравированной надписью: «Игорю Ламберту, победителю республиканской олимпиады по спортивному фехтованию среди школьников, 2005 год». Редкие прохожие спешили по своим делам и собирались в стайку разноцветных зонтов на троллейбусной остановке. Площадь Согласия скрывалась за водяной мглой. Мне всегда было интересно – согласия кого и с кем? Сколько лет живу в этой однокомнатной квартире с видом на площадь, а до сих пор не знаю славной истории своего города.

Чувство беспокойства не проходило. Оно возникло минут пятнадцать назад, легкое ощущение того, что должно что-то случиться. Обычно у меня бывало нечто подобное перед получением новой работы. Хотя сейчас я «завязал» со старым ремеслом, но оно находит меня вновь и вновь: в виде случайных людей – «я же от Аделаиды Олеговны, должны

ее помнить, вы еще вернули ее сыночка Алешеньку», до телефонных звонков от неизвестных женщин, которые слезно просили «в последний раз, только ради дорогого и любимого мужа». До электронных писем с угрозами: «Зачем вы меня вернули? Я все равно уйду». Ну и уходи, мне-то что? Я удалял спам и вновь становился собой нынешним.

Раздался звонок телефона, я поднял трубку – звонил Сережка Маньяк.

– Игорь, ты меня слышишь?

– Да.

– Точно слышишь?

– Да!

– Игорь, это ты?

– Да, твою мать, я!

– Акции «Масмолпрома» упали на два процента, что делать?

– Скупай!

– Сколько?

– Все скупай.

Я нажал на кнопку отбоя, и вернулась тишина, в которой скрывалось чувство беспокойства. Казалось, что оно приняло вид будущего гостя, который складывает зонт и входит в подъезд. Долго ждет лифт, слушая, как щебечет Клавдия Ивановна с мокрым Рыжиком неопределенной породы на руках. Незнакомец подходит к моей двери и жмет на кнопку звонка.

Зазвучал перезвон. Я вздрогнул. Неужели все не настоящее, и я завис в игре? Закатал по очереди рукава на обеих руках – татуировки отсутствовали, нигде не было написано моего имени. Значит – реальность. Ничего страшного, просто интуиция разыгралась. Бывает. Вызов задрезал вновь, я подошел к двери. За дверью стояло прошлое в виде Олега Журавского, моего одноклассника, друга и врага. Лет десять назад мне хотелось скрутить ему шею.

– Входи, – сказал я, пропуская Олега внутрь.

Он потоптался в прихожей и протянул зонт, который я молча поставил в угол.

– Зачем пришел?

– Сырая нынче погода, – сказал Олег, словно не замечая вопроса.

«Бефстроган», как дразнили его в моей школе. За время, что мы не виделись, он сильно изменился. Никогда бы не поверил, что можно превратиться из жирного увальня в накачанного спортсмена с лицом и взглядом волкодава. Наверное, такому выражению глаз надо долго тренироваться. Хватает же у человека времени и на спортзал, и на научную работу. Удачная карьера, обеспеченная жизнь, счастливая семья.

– Как Машка? – спросил я.

– Ничего, – пожал он плечами. – По-разному. Ежик завис.

Нечто подобное я и ожидал, иначе старый враг не пришел бы в гости.

– Давно?

– Сутки. Со вчерашнего дня.

– Он дома? К системе питания подключили?

– Да, Мария позаботилась. Я вернулся из института, она была уже дома. И вот... – он развел руками и вымученно улыбнулся. – Я бы, наверное, сразу растерялся.

Олег до сих пор полностью не осознал, что случилось. Ему казалось, что стоит оказаться дома, и Ежик, как и раньше, поднимется из-за стола, на котором стоит серый куб «квантума», снимет с головы нейроинтерфейс. Из его вен не будет торчать игла системы искусственного питания, и надетый памперс вызовет лишь смех, как неудачная шутка. В игры уходят из неблагополучных семей. Другие, только не Ежи.

– Сколько ему, уже десять?

– Одиннадцать.

– Быстро время бежит.

Прошедшие годы слились в вереницу событий, как узоры в калейдоскопе. Мы дружили с Олегом с седьмого класса, после его перевода в нашу школу. В прошлой Олег основательно набедокурил. Психотерапевты называют подобные ситуации «неконтролируемым срывом в поведении». Мне же кажется, что если любого загнать в угол и не оставить выхода, то даже самый спокойный начнет кусаться. Олег потом рассказал, нехотя и без подробностей, поэтому картину произошедшего пришлось дорисовывать в голове самому.

Шестой класс, когда мальчишки уже ощутили прелесть

неподчинения переходного возраста и прониклись чувством превосходства над более слабыми. Мимоходом дать подзатыльник – «у, сарделька жирная», написать мелом на спине бранное слово, значение которого знали далеко не все, весь урок плевать шариками из жеваной бумаги, ожидая, что ты не выдержишь и пожалуешься учителю. И тогда – о, да! – тогда на перемене тебя как стукача настигнет справедливая кара.

Худшими для Олега были большие перемены, когда приходилось дольше обычного скрываться от Клопа и компании. Клоп – коренастый, не по годам развитый детина, представлял собой классический пример хулигана-предводителя школьного охлоса. Такие могут править только в школе, когда они кажутся себе и подобным им кумирами, ибо с возрастом их судьба предсказуема. Либо армия, где они не поднимутся выше лейтенанта, так как мозги нужны и там, либо низкооплачиваемая работа «старшим, куда пошлют». Но в школе Клоп был звездой номер один.

«Эй, сарделька, что-то ты воняешь, обделался небось?»

«Вкусные у тебя сегодня бутерброды, сардель, понятно, чего ты такой жирный».

Особенно неприятно после подобных фраз было слышать смех девчонок. В общем, однажды, когда Клоп сидел спиной к Олегу, его затылок, постриженный по последней моде – сверху короткий ежик, а внизу длинные торчащие пряди – завладел сознанием моего друга. В их классе было сорев-

нование – кто сможет поднять стул одной рукой, держа за ножку у самой земли. Клоп, в отличие от Олега, выполнял это легко и просто, чем вызывал восхищение девчачьей половины класса. Сейчас красоваться Олегу не требовалось, и он поднял стул двумя руками. Спинка опустилась на голову Клопу как-то легко и без особых усилий. Звук удара дошел до сознания Олега гораздо позже, уже после того, как Клоп повалился на пол. В руках моего друга остались отломанные ножки. Он сжимал их, словно оружие, и оглядывал притихший класс. Не знаю, чего было больше в его взгляде – ненависти или растерянности.

Клоп отделался сотрясением мозга, Олега перевели в мою школу. Местный аналог Клопа пытался его задевать, но прекратил, когда я по секрету рассказал ему эту историю.

Вот такой человек был мой друг Олег. И именно он после института увел мою Марию. До сих пор не понимаю, что она в нем нашла?

Олег – ученая голова, исследователь квантовых сетей и пространства Чендлера. Я – ретурнер, наемник, чья жизнь связана с риском. Олег защищает кандидатскую, я – сижу по вечерам в темной комнате наедине с бутылкой коньяка. У него семья, сын и успешная карьера. У меня лишь сейчас наладилась работа коммерческого советника, которую я смог заполучить благодаря умению видеть сеть. Работа неинтересная, ведь что может быть скучнее, чем искать следы цифр и предвидеть, как изменятся биржевые графики? Го-

раздо интереснее брать след человека в сети, тогда чувствуешь себя словно гончая, знаешь, что ты нужен. Прежде всего нужен самому себе.

Возможно, Мария сделала правильный выбор.

– Ты сможешь помочь? – тихо спросил Олег. – Я хотел обратиться в государственную службу возвращения, но знаешь, какие там очереди. И качество работы оставляет желать лучшего. Ты не думай, я бы заплатил, сколько нужно, хоть и не умею давать взятки. Но это мой сын, и я не хочу рисковать. Ты лучший в этом деле, Игорь.

Да уж. Лучший. Возвращать из игры сына своей бывшей невесты, которую у тебя увел лучший друг.

– Я закурю, извини, не могу больше, – Олег достал из кармана футляр с электронной сигаретой.

Далее – целая связка ритуалов. Раскрыть прозрачный футляр, не глядя, вынуть пластиковую имитацию, вставить в рот, прищурить глаза. Пальцы правой руки непроизвольно дергаются, словно щелкают зажигалкой. В комнате появляется противный сладковатый запах пара с ароматизаторами.

– В какой он игре? – спросил я.

– Не знаю. – Бефстроган достал сигарету изо рта и будто удивленно посмотрел на сверкающий светодиод на ее конце. – Не стал лезть. Боюсь чем-то навредить. Зачем я оставил дома «квантум»!

Все боятся, даже такие спецы-теоретики по квантовой сети, как Олег. Все потом сокрушаются, зачем оставили ком-

пьютеры. А по-другому не бывает. Мы больше не представляем своей жизни без этих ящиков на столах. Наденешь на голову нейроинтерфейс, присоски прилипнут к вискам, и перед твоими глазами окажется мир квантовой сети, с его неограниченной информацией и бесконечной скоростью доступа. Когда-то, еще в моем детстве, мы пялились на экраны мониторов, сейчас же информация проецируется напрямую в мозг. Цвет, картинка, общение – можно жить, не выходя из виртуальной реальности. Все чудесно, если бы не одно «но».

Впервые этот феномен называли «ложным зависанием». Кубиты квантовой информации, переписываемые с одного компьютера на другой, иногда не доходили до места назначения. Но оставались доступны, хотя квантовая адресация данных была довольно странной и не всегда расшифровывалась правильно.

Пространство Чендлера – так называли квантовую область, в которой зависали данные, по фамилии ученого, исследовавшего это явление. К пространству научились обращаться. В нем начали хранить данные. Но записанные в него многопользовательские игры поглощали сознания людей. Сначала это были лишь одиночные игроки, с мокрыми стульями под собой, с истощенными от недоедания лицами, с подрагивающими пальцами и покрасневшими открытыми глазами. Присосавшиеся к вискам нейроинтерфейсы обхватывали их головы, словно пауки. Потом, прежде чем забили тревогу, по миру прокатилась целая волна зависаний. Отключи

зависшего в сети игрока, и он навсегда останется пускающим пузыри идиотом. Человек должен вспомнить себя, понять, что он в игре, прежде чем вернуться назад.

– Зачем они это делают? – спросил Олег, когда мы стояли в прихожей и я размышлял, куда засунул свой зонт. В тусклом освещении светился кончик электронной сигареты. – Те, которые создают игры в пространстве Чендлера? Сколько их постреляли, и все мало. Сволочи. Хуже наркоторговцев.

– Кто-то ради искусства, – пожал я плечами. Олег хмыкнул. – Кто-то предпочитает уходить в собственные фантазии. Многие программеры так и поступили. Встречал я и таких, которые чувствуют себя демиургами, доказывая, что создают параллельные миры.

– Глупо, – сказал Олег.

– Разве? – Я достал у него изо рта сигарету и сунул ему в нагрудный карман. – Хорошо курить. Ты никогда не был в игре, когда она завладевает твоим сознанием? Вокруг все становится настоящим. Только больше красок, больше полноты жизни.

– А ты был? Чувствовал?

– Конечно, и не раз. После этого трудно возвращаться в реальность.

– Но ты же вернулся?

Я промолчал. Складной зонт нашелся на нижней полке в бельевом шкафу. Я проверил, как он раскрывается. У Олега хорошая выдержка. Другой бы уже сходил с ума, зная, что

сознание его сына застряло в пространстве Чендлера.

– Быстрее, пожалуйста, – взмолился Олег.

Он вынул из кармана сигарету, повертел в пальцах, нахмурился и спрятал в футляр.

Что запаниковал, Бефстроган? Когда понадобилась помощь, то вернулся к старому другу? О чем ты думал, когда обхаживал Марию у меня за спиной? Узнав об их свадьбе, я представлял, как сдираю костяшки пальцев о его зубы, разбиваю в кровь его жирное лицо, но время шло, и план возмездия оставался лишь в моей голове, растворившись в одиноких вечерах с выключенным светом и вкусом коньяка. Время безвозвратно уходило, желание становилось все более блеклым, пока не угасло совсем. В последний раз я встретил их в парке Гагарина, где счастливая семья гуляла вместе с сыном. Я поздоровался и прошел мимо. Не возникло никаких чувств и эмоций.

– Конечно, уже идем, – ответил я, цепляя на плечо спортивную сумку. – Ты прав, надо спешить.

Лифт пришлось ждать долго. Кабина поднималась, скрипя и жалуясь на свое существование. Клавдия Ивановна, как обычно, приоткрыв дверь, выглядывала в щелку, и в ее взгляде читалось осуждение моего способа жизни.

* * *

Олег жил в новом районе, где однотипные многоэтажки

обещали удобство, комфорт и демонстрировали общее сходство нашей цивилизации с муравьями. По дороге мы зашли в аптеку. Я купил стандартный набор для зависшего – систему внутривенного питания «лонг-фуд», ремни для фиксации тела и подгузники для взрослых, заслужив сочувствующий взгляд женщины-фармацевта. Либо мне это только показалось? При ее работе быстро черствеешь.

Сколько людей зависло в играх на сегодняшний день? Если задуматься и представить, то за стенами людских муравейников чудятся тысячи подключенных к проводам с питательным раствором. Они сидят, словно уже не люди, а растения. Труссы, сбежавшие из этой жизни. Обрекшие своих родных и близких на непрекращающиеся хлопоты, на существование с одной надеждой – когда-нибудь вернуть. Они там, в другом, созданном мире. Им кажется, что жизнь прекрасна. Что смерти нет, и они после гибели вновь и вновь возвращаются к разноцветным приключениям. Но это лишь пока их тело существует здесь. Сколько найдено высохших трупов тех игроков, которых не обнаружили вовремя?

Из-за зависших игры в пространстве Чендлера не стирают, лишь перекрывают доступ, который обходят хакеры-проводники. *Новые* программмеры создают *новые* игры. Очередные полицейские отстреливают их, как бешеных псов. Жизнь идет своим чередом.

В многоэтажке Олега лифтовая кабина была прозрачной. Мы поднялись на седьмой этаж. Мария встретила нас в две-

рях квартиры.

Она почти не изменилась. Те же светлые волосы, без седины, собранные в тугий пучок на затылке. Тот же цвет помады, что и в молодости. Странно, подумал я, у нее завис сын, а она находит силы наводить макияж. Уж не для меня ли? Но тут же решил, что не стоит себе льстить. А вот цвет ее глаз я не помнил. Мне казалось, что они были голубыми, но сейчас, в освещении светодиодных ламп, ее заплаканные глаза выглядели серыми, словно небо перед грозой.

– Здравствуй, Маша-растеряша, – сказал я.

Она все-таки меня поцеловала, едва прикоснувшись губами к щеке.

– Привет, Ламберт.

Духи у нее новые, непривычные, те, что дарил я, пахли по-другому.

– Ежи у себя в комнате.

Мы прошли по длинному темному коридору. В детской оказалось светло. За время нашего подъема дождь прекратился, и из-за туч выглянуло солнце. В его лучах сидящий в кресле Ежи выглядел мертвенно-бледным. Худющий, он чем-то напоминал меня в детстве. «Пигалица», как говорила моя бабушка, когда я приезжал в село «для спасения от родителей, которые морят ребенка голодом». Руки уже пристегнуты ремнями к подлокотникам, чтобы зависший случайно не выдернул из вены иглу, – капельница с «лонг-фудом» стояла рядом. На голове, поверх взъерошенных светлых, как и

у Марии, волос, нейроинтерфейс, от которого к «квантуму» тянутся провода. Глаза Ежи открыты, зрачки бегают из стороны в сторону, непроизвольно повторяя действия виртуала. Голова нервно дергается, пальцы вздрагивают.

Зачем ты завис, Ежик? Что тебя заставило подключиться к игре?

Я всегда недоумевал, что толкает людей на такое? Неужели все считают, что их обманывают, когда рассказывают о том, что из игры можно не выйти? Кто-то продержится несколько часов, кому-то достаточно одной минуты. Из врагов перестанут вылетать единицы урона, пропадут индикаторы жизни, исчезнут цифровые характеристики оружия, и виртуальный мир будет восприниматься реальностью. Игра запишет для тебя ложные воспоминания, которые станут новой историей твоей жизни.

Говорят, что работники официальной службы возврата к этому невосприимчивы. Я пробовал к ним устроиться. Не прошел отбор.

В кармане завибрировал телефон.

– Да?

– Игорь, это Маньяк!

– Да!

– Это Маньяк, говорю, звонит!

– Да, мать твою, слышу! Извините, – пояснил я Марии, – это по работе.

– Акции «Масмолпрома» выросли на полтора процента,

просто маньячество какое-то, что делать?

– Не продавай!

– Точно?

– Да!

– А вдруг?..

– Я сказал, придержи! Никаких «вдруг»! И в ближайшие сутки меня не трогать, я занят! Все, давай.

Маньяк еще пытался что-то сказать, но я нажал на отбой, затем подумал и выключил телефон совсем.

– Я подключаюсь, – сказал я Олегу и достал из своей сумки нейроинтерфейс. – Стул дашь?

– Да-да, конечно.

Олег притащил из другой комнаты большое кресло. Я сел, надел на голову нейроинтерфейс и вставил его разъем в «квантум». Эта модель компьютера поддерживала до трех активных соединений.

– Поехали.

Компьютер не потребовал ввод пароля, я подключился к сессии Ежика, и перед глазами возникла его рабочая область.

В ней светило солнце и шел виртуальный дождь. Капли разбивались о каменную кладку, журчала вода, сбегая по узкой извилистой улочке. Двухэтажные домики, словно выбравшиеся из забытого средневековья, прижимались друг к другу и создавали уютный мирок. В деревянных кадках цвели азалии. На ветру поскрипывали металлические вывески.

Наверное, здесь, под двумя кренделями, у Ежи живет булочник. Он печет вкусное сдобное тесто с изюмом, видно, как из трубы над его домом поднимается дым. Под висящим жестяным стулом обитает столяр, дальше, где вывеска с молотом и наковальней, – кузнец. Ежи завел виртуальных персонажей. Создал замкнутый мир и населил его куклами.

Посреди рабочей области в воздухе висело оставленное Ежи сообщение: «Я ВЕРНУСЬ».

Из дома булочника выбрался толстый белый кот и замер под карнизом, недовольно рассматривая стекающие струйки.

– Куда ушел твой хозяин, а? Говори, усатый и пушистый, зачем ты его отпустил?

Котяра усталился на меня глазами разного цвета – зеленым и голубым. Тяжелая дождевая капля ударила его по носу, кот чихнул и принялся умываться лапой.

– Не знаешь? Ну, и не надо. Сейчас мы его сами найдем.

Открыть активное подключение. Просмотр логов.

12:03:35 пользователь Yegi начало сессии.

12:05:10 загрузка программы «BNRet». Источник 1000.567.576 SH.

12:06:11 присоединение «BNRet» к виртуалу пользователя Yegi.

12:10:34 запуск игры «Хвергельмир». Внимание. Игра не проверена и, возможно, находится в пространстве Чендлера. Подключение может нанести непоправимый вред вашему

му здоровью. Подтверждаете ли вы вход?

Ежик подтвердил.

Что же за программу ты подключил к своему виртуалу? SH – это пространство Чендлера. Я просканировал найденный адрес, но он оказался пуст – когда-то там хранились данные для одноразовой загрузки. Ежик где-то обнаружил на них ссылку и скачал. После чего подключился к игре, почти не раздумывая, словно заранее все для себя решил.

«Я вернусь». Эх, мальчишка... Оттуда редко кто может вернуться сам.

Я попытался подсоединиться к игре, но канал оказался заблокирован – служба безопасности перекрыла возникшую лазейку. Тогда я вошел в виртлайф своего города. Макет площади Согласия пестрел объявлениями и новостными каналами. Вспыхивали сообщения групповой рассылки. Я тут же получил личное уведомление:

«From Maniak to Lambert: Игорь, ты читаешь мой меседж? Игорь, это Маньяк. Что делать с акциями «Транснефти»?»

Я нажал «Delete», включился в групповую рассылку и мысленно набрал сообщение: «Ламберт вызывает Джонни. Надо срочно встретиться». Отправил в сеть и принялся ждать ответ. В ленте групповой рассылки бежали сообщения.

«Люди! Я сдал сопромат! Свобода! Леха».

«Продаю детскую коляску».

«Ламберт, что делать с акциями? Отзовись».

«Горячее предложение массажного салона».

Несколько голубей подлетели к моему виртуалу и принялись водить вокруг хоровод – программисты-шутники постарались. А вот и появился нужный мне ответ.

«Джонни получил сообщение Ламберта».

Я улыбнулся и подошел к фонтану в центре площади. На сей раз дизайнеры местного виртлайфа запустили в него золотых рыбок. В отличие от реала вода в фонтане была чистой и пахла свежестью, а не хлором. Несколько пар с детьми любовались рыбками. Стоящий на каменном бордюре ребенок, поддерживаемый матерью, бросал в воду хлебные крошки. Девушка с волосами цвета радуги с интересом наблюдала за этим процессом, опустив подбородок на сложенные руки. Увидев меня, она улыбнулась и помахала рукой.

– Джонни? – неуверенно спросил я.

Ее виртуалу на вид лет пятнадцать, не больше. Одета в джинсовые шорты и черную футболку с голубым солнцем, от которого расходятся синие протуберанцы. Девушка подхватила меня под руку и потащила к ближайшей скамье.

– Кто же еще? Кыш-кыш! – разогнала она голубей со скамьи. – Не всегда же приходиться к ретурнеру в маске Анонимуса?

И вправду. Ведь под виртуалом с волосами радужного цвета мог скрываться кто угодно. Если Джонни – это вообще один человек. Я мог бы проследить подключение его вирту-

ала, но никогда этого не делал.

– Что за программа «BNRet»? – спросил я.

Улыбка не сошла с лица Джонни, но стала неестественной.

– Очень интересный вопрос, – сказала Джонни. – Задам ответный. Что ты слышал о Черном Хакере?

Я пожал плечами.

– Городская легенда. Часть современного фольклора. Его не существует.

– Джонни тоже не существует. Но ты с кем-то разговариваешь.

– Ближе к делу, что за программа?

Начало появляться раздражение. Я перечислял Джонни достаточно средств, чтобы тот давал ясную информацию, когда она мне необходима.

Джонни стремительно нагнулась, схватила голубя и посадила к себе на колени. Сизарь не думал вырываться, видимо, такое поведение не было заложено в его программе, он лишь пялился на нас удивленным взглядом.

– Говорят, он мог проникать в любую игру и возвращаться, когда захочет. – Джонни погладила голубя по голове, задержав руку на его шее, словно раздумывая, а не свернуть ли ее? – Мог обходить любую защиту. Ходят слухи, что Черный Хакер обладал возможностью записывать накопленные виртуалом игровые умения в мозг человека. Обратная связь.

– Бред, – сказал я.

Джонни неожиданно подбросила голубя, и он улетел, громко хлопая крыльями.

– Так говорят. Возможно, он даже написал программу для этого. Все ее ищут. «BNRet» – Black Hacker Return, мне кажется, название расшифровывается именно так. Кому-то улыбнулась удача?

– Или скорчила гримасу, – вздохнул я. – Второй вопрос: мне нужно проникнуть в игру «Хвергельмир».

– Жаль, что это может оказаться нашей последней встречей, – сказала Джонни.

– Почему? – удивился я.

– Ты знаешь, что такое режим «хардкор»?

– Просвети.

Хотя я знал.

– У игрока одна жизнь. После гибели игровой виртуал и сохраненная игра стираются безвозвратно. Для пространства Чендлера это означает гибель сознания, – она взмахнула радужными кудрями. – Если туда пойдет наш великий ретурнер, то есть шанс, что обратно он не вернется. Значит, мои расценки на сей раз по тройному тарифу.

– В игре активирован лишь этот режим?

– Так говорят.

– Хорошо, – сказал я. – Когда откроешь путь?

Режим «хардкор». Значит, Ежику угрожает постоянная опасность. Погибнет его виртуал, и сознание сотрется вместе с ним. Что же ты натворил!

– Такие игры хорошо защищены. Нужен квантовый ключ. Мне необходимо кое с кем связаться. Я передам тебе ключ лично в пять вечера. Такой расклад тебя устроит?

– Нет. Раньше нельзя?

– Вот и ладушки. Значит, в пять, договорились. Да, и еще.

– Что?

Может быть, Ежика в эту минуту убивают, а я болтаю с раскрашенным под павлина неформалом.

– Говорят, что эту игру создал сам Черный Хакер. Возможно, его программа по обратной связи действует лишь в его игре? Что скажешь? – хитро улыбнулась Джонни.

– До вечера, – сказал я.

* * *

Красная горбушка солнца выглядывала над черепичной крышей дома купца Пережогова, сохранившегося с девятнадцатого века, и купала свое отражение в фонтане. Рядом с солнцем плавали кленовые листья, несколько окурков и мое отражение, в котором преобладал цвет соломы. Я вспомнил, как в институте шутили, что мы с Марией красимся одной краской – мои волосы были и остаются такими же светлыми, как и у нее. Седина в них почти не заметна. Да и вообще, если подумать, у меня красивое лицо – выраженный нос с горбинкой, волевой подбородок, какой обычно изображают у древних викингов на картинках. Сейчас выхвачу меч, спою

арию и пойду сражаться с драконом Фафниром. Как там переводил Корнеев «Песнь о Нибелунгах»?

Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей.
Про их пиры, забавы, несчастья и горе,
И распри их кровавые услышите вы вскоре.

Или не услышите. Где же, черт возьми, Джонни, почему она задерживается? Хотя только без пяти минут пять. Нет, не буду убивать Фафнира, я ведь не варяг, я – француз в пятом поколении, хотя по-французски не понимаю ни слова. Интересно, не водятся ли в фонтане лягушки? Что-то мне есть захотелось.

Джонни появилась, когда часы в доме Пережогова пробили пять раз. В воде словно мелькнула стайка разноцветных рыбок – проплыло радужное отражение. Джонни похлопала меня по плечу, и я оглянулся.

В жизни она была точно такой же, как в виртуальности. Волосы цвета радуги спадали на веснушчатые щеки. Губы расплывались в задорной улыбке, демонстрируя щель между передними зубами.

– Держи на память, Ламберт, – сказала Джонни и протянула мне фарфоровую маску Анонимуса.

– Деньги перечислены.

Я покрутил маску в руке, не зная, куда ее пристроить.

– Знаю, иначе бы не пришла. Возьми ключ.

Она протянула руку, и в мою ладонь опустился чип квантовой памяти.

– Спасибо, – сказал я.

– И еще здесь информация об игре, – добавила она.

Джонни отошла на несколько шагов. Я отметил, что ходить на высоких шпильках она совершенно не умеет. Оглянулась и помахала мне рукой.

– Возвращайся, ретурнер, я буду ждать.

И я помахал ей в ответ улыбающейся маской.

* * *

Мария снова ждала меня у входных дверей. Я протиснулся мимо, наши лица оказались близко, и аромат ее духов вновь ударил в нос.

– Подожди, – она схватила меня за руку. – Игорь, ты ведь спасешь моего сына?

Режим «хардкор», но как я могу сказать ей об этом?

– Да, я постараюсь.

Стандартный, ничего не обещающий ответ.

– Спасибо, – Мария вдруг меня обняла, прижалась всем телом. – Он хотел обратиться в госслужбу, но я отговорила. Ты же справишься лучше, я знаю.

Она посмотрела мне в глаза и провела рукой по моей щеке. Я поцеловал ее раскрытую ладонь.

– Олег вышел, но скоро вернется.

Мария прикоснулась губами к моим губам. Я ответил – жадно, захлебываясь, покрывая ее лицо поцелуями.

– Спаси его, спаси, – шептала она.

Мария, ее глаза, теплота ее губ, стройность ее тела – прошлое вновь вернулось, словно не было прошедших лет. Но Ежик может погибнуть в любую минуту.

– Он только мой сын, не его, – шептала она, закрыв глаза.

– Не его? – Я почувствовал, как мое сердце забилося еще быстрее. – Неужели он от меня? И ты молчала?

– Нет, не от тебя. Ты его не знаешь. Но это неважно.

Я вернул на место расстегнутый ворот ее кофты.

– Мне надо спешить, – сказал я. – Держи, – и протянул ей фарфоровую улыбающуюся маску.

Она непонимающе на нее посмотрела.

– Хорошо, что я на тебе не женился, – добавил я и пошел по коридору в детскую комнату.

Идти получилось ровно, почти не шатаясь, хотя ноги дрожали. Едва я дошел до комнаты, как в прихожей появился запыхавшийся Олег.

– Успел! – выкрикнул он. – Подожди меня. Я сейчас. Уф...

Он отдышался, достал изо рта электронную сигарету и сунул в карман.

– Я иду с тобой.

– Нет!

– Да! Я так решил. Купил систему жизнеобеспечения. Я

хочу с тобой. Мария о нас позаботится. Я должен вернуть сына. Какой же я иначе отец?

– Я работаю один.

– Но я не буду обузой.

Олег прошел в комнату следом за мной.

– Ты не понимаешь, что такое игра, – прошептал я, глядя ему в глаза. – Она сожрет тебя с потрохами.

– Но ты же всегда возвращаешься, – сказал он.

– Это моя работа. Ты так не сможешь.

– Смогу. Я не забуду себя.

– Но в этой игре включен режим «хардкор».

Олег побледнел. Он знал, знал, мой старый друг, что это такое.

– Тем более, – сказал он. – Заводи свою шарманку.

Я пожал плечами. Почему-то охватило равнодушие. Кто я такой, чтобы мешать человеку погибнуть, если он сам того желает?

У компьютера уже поставили третий стул. Олег установил возле себя капельницу и теперь неловко держал иглу между указательным и средним пальцами.

– Уколешь? – спросил он.

– Давай. Ты хоть подгузник надел?

– Э-э-э... Ну да.

Позади нас стояла Мария. Она не спорила, просто молчаливо помогла Олегу привязать руки к подлокотникам, затем, после того как я вогнал иглу в его вену, закрепить ее лейко-

пластырем.

Я вставил память в компьютер.

— Есть контакт, — смог улыбнуться Олег. — Я подключаюсь.

Вслед за ним подключился и я. Уже входя в сеть, я почувствовал губы Марии у себя на щеке.

Вторая авантюра

Железный лес

«Хвергельмир» встретил меня туманом. В главном меню игры молочные потоки низвергались тугими переплетающимися жгутами и исчезали в кипящей бездне. В тумане кто-то ходил. Кто-то огромный бесшумно переставлял суставчатые лапы, тяжело вздыхал, и тогда по белой мгле пробегали волны и обнажались торчащие из бездны черные ветви деревьев. Казалось, что до тебя пытаются дотянуться их скрюченные пальцы, схватить и утащить в белое безмолвие.

На фоне всего этого предлагалось создать персонажа. Только выбора практически не было – лишь человек, воин или волшебник, лишь твой изначальный виртуал, одетый в кожаную куртку, штаны и с мечом на поясе. «Хвергельмир» с самого начала заставлял играть по своим правилам, заключая в жесткие рамки. В информации, предоставленной Джонни, написано о том, что эта игра противостояния людей и порождений Железного леса, но везде и без ограничений активирован режим «игрок против игрока». Зная об этом, можно сказать, что здесь не до противоборства с темными тварями, ибо самым страшным врагом являются другие игроки. Убей первым, или будешь убит. Беги быстрее, стань хитрее, потому что к такому призывает сама игра.

Здесь нет места пощаде. Здесь все решает сила, и у меня лишь одна цель – найти и спасти Ежика, любой ценой.

Умения в игре приобретаются в процессе их изучения и наращиваются во время использования. Начальный уровень каждого умения – первый. Количество единиц жизни среднестатистического персонажа – десять. Сила, ловкость, интеллект подбираются игрой при старте, как наиболее соответствующие вашему виртуалу. Предельное значение, которое можешь получить в игре, – двадцать. Но много ли игроков дожило до таких характеристик? Ну что ж... Я нажал на старт, туман ринулся мне в лицо, залепил глаза и уши, стало трудно дышать.

Сквозь мглу перед глазами появились мои начальные характеристики: «Сила – 5, ловкость – 6, интеллект – 4».

Я упал на колени, а когда поднялся, то обнаружил себя стоящим на поляне посреди леса.

Лесную глубину скрывал туман. Из него выступали деревья-великаны, окружали тебя, подавляли непонятной чуждостью. Отвернись, и покажется, что они подобрались еще ближе. На них почти не было листьев. Редкие, высохшие, они выглядели так, будто этот лес забыл, что такое зелень. В вышине ветви переплетались, создавая над головой черную сеть. С них свешивались седые пряди и едва заметно раскачивались от дуновения холодного ветра.

Землю покрывала опавшая листва и коричневый с пепельными вкраплениями мох, из которого поднимались на длин-

ных стеблях темные чашечки, полные липких семян. Когда я касался их носком сапога, чашечки лопались с едва слышными хлопками и разбрасывали семена вокруг. Стоило опустить ногу в мягкий лесной ковер, как в том месте, куда ты ступал, хлюпала вода, а где-то в глубине земли, там, куда уходили корни лесных гигантов и цверги ковали магическое железо, этому звуку вторило подземное эхо.

Хлюп-плюх, хлюп-плюх – было непривычно так идти, ощущая, будто из леса кто-то смотрит тебе в спину. Но убегающая с поляны тропинка звала за собой к городу-всех-дорог. Когда-то Вормс служил пристанищем купцов и искателей наживы, куда стекались все, кто жаждал славы и легких денег. Теперь же былая слава города ушла. Железный лес подступил к его стенам, и не осталось храбрых воинов, которые бы противостояли порождениям тьмы. Но если у тебя нет в кармане ни гроша, а меч – единственное твое сокровище, то ноги сами ведут к городу-всех-дорог. Игорь, говорят они, хватит тебе бродить ледяными торосами, следуя за дыханием морозных великанов. Пора тебе погреться среди городских дев, чьи губы красны, словно спелые вишни, а груди-холмы возвышаются на белоснежной равнине и теплые бедра обещают бессонные ночи.

– Кар-р-р! – сидящий на ветке черный ворон разогнал криком лесную тишину, его возглас перешел в затихающее утробное урчание.

Птица смотрела на меня красным глазом и урчала. Я по-

грозил ей кулаком. Рукав куртки задрался, и я увидел татуировку. «Игорь Ламберт», – было написано большими буквами от локтя до кисти. Трудно не заметить.

Стоять! Какие девы?! Это же всего лишь игра, и я пришел сюда не за уладами, а чтобы спасти Ежика.

– Р-р-р, – сказал ворон.

Я – Игорь Ламберт, ретурнер. Я не морской охотник, чья хижина завешена шкурами белых моржей, а всего лишь коммерческий советник. «Что делать с акциями?» «Продавай». «Это я, Маньяк. Игорь, ты меня слышишь?» Я схватился за голову. Прошлой весной я не побеждал на турнире Одноглазого Флинна, а отдыхал на Черном море, купался в теплой воде и ловил пучеглазых бычков среди скользких прибрежных камней. Не я пустил стрелу точно между глаз ледяного дракона. Не я преодолел перевал воющих духов в самую лютую пору.

Реальные воспоминания возвращались, ложные блекли, выцветали, будто фильм, который ты видел давно и уже успел почти позабыть. Мир потерял свою глубину. Он остался наполненным цветом, запахами и звуками, но утратил то неуловимое, что отличает реальность от игры. Вон на дереве возле ворона едва заметно выступает полигон. Дизайнер допустил ляп, и сразу видно, что это не дерево, а лишь объемная модель. Оно не настоящее. Вместо солнца здесь динамическое освещение. Вместо жизни – иллюзия, в которую нас заставляют поверить.

Ворон прервал урчание, сорвался с места и с шумом улетел. На землю опустилось несколько сухих листьев и черное перо.

Что-то не давало мне покоя. Воспоминания – настоящие, живые, появлялись перед глазами. Ежик, улыбающаяся фарфоровая маска, Мария, ее губы, резкий и сладкий запах духов, Олег... Он же пошел следом за мной! Где же мой старый друг?

Олег стоял на соседней поляне, вглядываясь в лесной туман. Его рука сжимала меч.

– Олег! – воскликнул я.

– Тихо! – поднял он руку и еще некоторое время следил за туманом. Затем обернулся ко мне, но меч не опустил. – Кто ты, странник?

– Очнись, – сказал я. – Мы в игре. Мы пришли спасти твоего сына.

Его глаза прищурились.

– Здесь обитают тролли. Они повсюду и могут оказаться кем угодно. Притвориться черным камнем или сухим деревом, вороном в небе или путником на дороге.

Его левая рука выводила узоры, я следил, как ловко двигались на ней пальцы. Казалось, что они оставляли горящие следы в холодном воздухе.

– Речи троллей сладки и обманчивы. Бойся их и не доверяй никому, ибо тролли разорвут твоё тело и выпьют мозг.

Огненные знаки складывались в руны. Письмена таяли в

воздухе красными угольками.

– Олег... – прошептал я, заворуженно следя за его действиями.

– Умри! – воскликнул мой друг, вскинул руку, и мне в лицо ударил сноп пламени.

Я едва успел отшатнуться, почувствовал, как опалило лицо, упал в мох, перекатился и вскочил на ноги. Ах ты, гад! Гаденыш! Убить меня решил?! Мой меч покинул ножны. Возникло сообщение:

«Получено умение – «Владение мечом», уровень первый».

Да, да, говори, рассказывай мне о событиях в игре. Пока я их вижу, то отдаю себе отчет в том, что мы в придуманном мире. Но если вновь все станет настоящим, это будет означать, что «Хвергельмир» снова поглотил меня, сделал своей частью. Как Олега.

Он ударил первым. Сражался, держа меч в правой руке. Пальцы левой продолжали танцевать свой огненный танец, шевелились без всякой связи друг с другом. Я отбил выпад и ударил локтем в лицо, разбивая в кровь его губы. Олег отшатнулся. Замер, выставив перед собой оружие, попытался стереть кровь тыльной частью ладони, но лишь размазал по щеке.

– Ты не тролль, – он сплюнул под ноги. – Я помню тебя. Ты приходил в мой дом, охотник. Вторгся, когда не было хозяина, и целовал мою жену. Ты предлагал ей шкуру ледяно-

го дракона, которая играет на солнце, как грудa драгоценностей, за похоть с тобой.

Над его ладонью в воздухе появились горящие руны.

– Вспоминай, Олег, вспоминай! Ты путаешься, в твоей голове творится каша. Реальность смешивается с выдуманной историей. Я твой друг. Но это *ты* когда-то увел мою невесту.

Новый сноп огня был ожидаемый, я с легкостью от него ушел. Вспыхнула ответная ярость – кипящая, затмевающая сознание. Я ударил наотмашь, выбивая меч из его рук. Едва не воткнул клинок в его грудь, но вовремя остановил движение, выпустил меч, и он упал в мох рядом с мечом Олега. Олег врезал мне в челюсть кулаком. Зубы лязгнули, рот наполнился вкусом крови. «Минус одна единица жизни».

– Ты увел мою Марию, козел! – прошипел я и ударил в ответ, утопив кулак в его животе, заставив сложиться вдвое.

Не разгибаясь, Олег попал сжатым кулаком мне ниже пояса. «Минус две единицы жизни. Ловкость временно понижена до пяти».

– Ты предлагал ей шкуру дракона! Моей Брунгильде! – прошипел Олег.

– Какая, к чертям, Брунгильда? – выдавил я. – Ты что творишь?

Я отполз на несколько шагов, держась за пах. Олег бросился к своему мечу, схватил за рукоять, но я успел наступить на клинок и не дал ему поднять оружие.

– Ты спал с моей Марией! – выкрикнул я.

Удар – изо всех сил, до собственного крика и разбитых костяшек, от которого голову противника закидывает назад и в воздухе опадает россыпь красных капель.

– У тебя с ней ребенок, паршивец! Вспоминай, как я в детстве учил тебя драться!

На сей раз он принял удар на блок и ударил в ответ. Я поймал его руку, и мы оба упали в чавкнувший, плюющийся семенами мох. Олег ударил в солнечное сплетение – коротко и сильно, выбивая из моего дыхания две единицы жизни. Я схватил его голову и вдавил щекой в мох, сунул под глаза руку.

«Получено умение – рукопашный бой, уровень первый. Ваша сила увеличена до шести».

– Читай, придурок, читай, что написано! Помнишь меня? Вспоминай, у кого увел женщину. Но ты знаешь, что, – я придвинулся вплотную и зашептал прямо ему на ухо, – она понесла не от...

Олег сел.

– Игорь? – спросил он, сплевывая кровавой слюной.

– А кто же еще? – Я тоже сел, опершись о его спину.

Мы сидели и тяжело дышали.

– Нет, ну ты придурок все-таки, – сказал я, нащупывая языком дырку на месте выбитого зуба. – Волшебник хренов. Говорил же, не надо за мной идти.

Олег не ответил, запустил пальцы в свой рот, выудил зуб и подержал его на ладони. Затем отправил щелчком в бли-

жайшее дерево. По привычке похлопал по нагрудному карману в поисках электронной сигареты. Не нашел, подобрал с земли сухую веточку и сунул в рот.

– Брунгильда... Она выглядела такой реальной, – сказал он. – Ты что-то говорил о Марии? Понесла не от... кого?

– Не от большой любви, – буркнул я. – Она любит меня, а не тебя.

– Не обольщайся.

– Какого цвета у нее глаза?

– Голубые. Кажется.

– Кажется ему...

Мы снова помолчали. Появилось сообщение: «Ваша ловкость восстановилась до прежнего уровня шесть единиц».

– Это ведь из-за меня ушел Ежка, – наконец сказал Олег. – Слишком много мы порой хотим от своих детей. Любой провал, любую неудачу они воспринимают как неоправдание наших надежд. Полученная в школе двойка выглядит крахом всей жизни. Помнишь, как я схлопотал пару по физике и Арнольд сказал, что оставит меня на второй год? Глупость какая, но я два часа боялся вернуться домой. Сколько лет прошло, а до сих пор помню. Ежик... Он слишком хотел быть похожим на меня, но мы разные, даже внешне.

«Конечно, ведь он не твой сын».

– Я чувствую, что он не создан для усидчивой работы. Пробежался по верхам, нахватался знаний из разных областей – и думает, что сможет чего-то достичь. Нет, наука

требует внимания и кропотливого труда. Знаешь, какова тема моей докторской? «Феномен переноса виртуальных знаний». Основана на теории проецирования психоматрицы из квантовой сети в мозг человека. Меня уже за глаза в институте называют Черным Хакером. Спрашивают, когда достану свой меч плюс пять. Ежик думает, что моя работа – это игра, развлечение. Рассказывает о каких-то сказочных программах-артефактах. Я прогнал его неделю назад, сказал, чтобы не приставал и не мешал. А он нагрубил, что все равно мне докажет. Разревелся, как девчонка. Он действительно что-то нашел? Та его программа, если на минутку допустить, что она написана Черным Хакером, действительно позволяет переносить накопленные в игре умения в мозг игрока, как думаешь?

– Так говорят, – сказал я и пожал плечами, скопировав жест Джонни.

– Но ведь это же бред!

– Возможно. Кто знает?

– Тихо! – Олег вдруг поднял руку. – Я что-то слышу.

Я прислушался. В лесной тишине шелестел ветер. Белые хлопья тумана стелились над землей и складывались в затейливые фигуры. Они напоминали то ледяного дракона, пытающегося поймать свой хвост, то морозного великана, размахивающего дубиной, а то и морское чудовище фьордов – кракена, выпускающего на поляну белые щупальца. Они притрагивались к нашим ногам, будто пробуя, стоит ли нас съесть?

Не стоит, решали они, и уносились дальше порывами холодного ветра.

Но было еще что-то странное, скорее даже не звук, а лишь намек на него, будто где-то вдалеке растягивали жгут резины. Может быть, это подсказывало наше чувство опасности? Как говорил мой друг? «Здесь обитают тролли. Они повсюду и могут оказаться кем угодно».

Раздался громкий щелчок, из лесной глубины выстрелило щупальце, не туманное, а из плоти и крови. Со свистом оно пролетело среди деревьев, разворачиваясь, как хоботок гигантской бабочки. Олег вскочил на ноги, оттолкнул меня в сторону. Если бы он этого не сделал, то распрямившееся щупальце угодило бы в меня, а не в него. Послышался удар, Олег хрюкнул и грохнулся на землю, прижимая собой щупальце к земле.

– Руби! – заорал он. – Руби!

Щупальце было серым и склизким. Оно извивалось под моим другом, словно большая змея, оставляя на мху потоки слизи. Его внутреннюю сторону покрывали присоски и костяные крючья.

– Чего же ты ждешь?!

Я перерубил щупальце мечом. Ударил со всей силы, но меч прошел легко, почти не испытывая сопротивления. Обрубок выпустил фонтан черной крови и скрылся среди деревьев. По лесу прокатился рев. Казалось, что всколыхнулся туман, задрожала земля. На поляне полопались коробочки с

семенами.

– Падай! – закричал Олег.

Я упал, как подкошенный. Олег выпрямился, раскинув руки. Стоял ровно, словно вырубленный из ствола истукан, не обращая внимания на шевелящийся вокруг нас лес. Казалось, что они приближались отовсюду. Серые щупальца ползли со всех сторон, но где-то там, в глубине черного леса, угадывался их владелец. Огромная, ощетинившаяся зубами-кинжалами пасть, маленькие глазки, выискивающие новую жертву. Он подавлял волю, и хотелось лишь одного – бежать как можно быстрее.

Пальцы Олега выводили огненные узоры. Они складывались в руны, те – в слова, порождающие магию. Древнюю, словно мир, когда Землю покрывали клокочущие огнедышащие вулканы, а в небе носились драконы – могучие, не те жалкие подобия, обитающие нынче во льдах. Я вжался в мох, глубоко вздохнул, наполнив легкие воздухом, и погрузил лицо в вязкую жижу.

Олег закричал. Надо мной с ревом пронеслась стена пламени, и наступила тишина.

Я поднял голову и огляделся. От тумана не осталось и следа – его сдуло огненным ветром. Поляну покрывал обгоревший мох. Сохранились лишь его нижние, пропитанные водой слои. Вокруг поляны стояли объятые тишиной и дымом обугленные деревья. Воняло горелой плотью – приблизительно такой запах бывает, когда осмаливают над огнем

курицу, избавляясь от остатков перьев. Кончик ветки во рту Олега тлел, словно зажженная сигарета.

Он опустил руки и посмотрел на меня. Наверное, похожий взгляд был у моего друга в детстве, когда стул опустился на голову Клопа. Чего в нем больше – торжества или растерянности?

– Ты очень опасный человек, – сказал я, поднимаясь на ноги и отряхивая одежду.

– Минутку, – нахмурился Олег и затушил у меня на спине горящую куртку. – Пойдем отсюда скорее. Они могут вернуться.

– Сомневаюсь, – сказал я и окинул взглядом обгоревший лес.

* * *

Дорога вела к горизонту, бежала среди леса, но деревья не осмеливались на ней расти, лишь наклоняли ветви, словно в тщетной попытке поймать проходящих путников. Изредка дорогу перебежали пепельно-серые белки и сердито цокали на двух людей, вторгшихся в их лесное царство.

– Далеко еще до Вормса? – спросил Олег, жуя торчащую из рта травинку.

– Насколько я помню, топать еще около часа, – ответил я.

– Помнишь... Странное ощущение, будто в нас живут сразу две личности – одна настоящая, а другая придуман-

ная. Только уже начинаешь сомневаться, кто из них кто. Вот ты, например, кем будешь? Может, мы вновь познакомимся, осторожно и невзначай, не отдавая контроль над телом виртуальным личностям?

– Можно и познакомиться, – я вырвал травинку у него изо рта и покрутил в пальцах. – Вот это – ого-трава, как говорила моя бабушка. Пожуй еще немного – и отравишься.

– Что – помру? – забеспокоился Олег.

– Да нет. Лишь по ночам будешь подниматься на крыши домов и кричать как филин: «Ого! Ого!»

– Врешь ты все, – усмехнулся мой друг.

– Может, и вру, – я бросил травинку на дорогу. – А может, и нет. Кто скажет, какие из наших воспоминаний правдивые?

Олег подошел к краю дороги, отломал веточку и сунул в рот.

– Хорошо излагаешь, продолжай. Слушай, как чешется, – он вновь поскреб пятерней грудь, где под курткой на коже остались царапины от костяных крючков, которыми было вооружено щупальце. – Так ты был охотником?

– Почему был? Я и есть охотник, Игорь Глаз дракона.

– У тебя такое хорошее зрение?

– Нет, обычное. Просто долгое время носил на шее замерзший глаз ледяного дракона.

– Сам убил животное?

– Да, потому и хвастался его глазом. Знак доблести.

– А я вот животных не убивал. Был советником маркграфа в Формире – маленьком городке далеко южнее. Деньги, экономические преобразования – вот моя стезя. А магия – это так, вроде хобби. Я самоучка.

Я вспомнил подожженный лес, и меня слегка передернуло. Ничего себе самоучка.

– А чего уехал, экономический советник?

– Сжег дом маркграфа. Хорошо еще, что никто не пострадал.

– За что?

– Он на тебя был похож – такая же наглая рожа. Женщин излишне любил. Излишне, потому что не своих. На мою Брунгильду глаз положил, когда я уезжал.

– И что она?

– Брунгильда, она такая... Легковерная.

– В общем, дала?

– Тьфу, – выплюнул он ветку. – Игорь, ты пошляк. Но на сей раз не далек от истины. Застал я их в самый разгар... отношений.

– Отпустил?

– Я же не убийца! Но дом маркграфа горел хорошо. Когда я бежал из города, зарево видно было издали. В Вормс, на край цивилизации, за мной вряд ли сунутся. А ты чего в город-всех-дорог идешь? – перевел он тему разговора.

– Для кого-то это и край цивилизации, а для кого-то самый ее центр. По сравнению с поселениями на обдуваемом

всеми ветрами берегу. Чего иду?

Я вспомнил женщин, что издавна обитали во фьордах. Они мазались жиром белых моржей, их лица круглы и непривлекательны, груди обвислые, даже у молодых. То ли дело женщины цивилизованных областей. Одна собирательница трав, Гульвейг, что искала золотой цветок, приезжала к нам верхом на большой бегающей птице гасторнисе, которая постоянно хотела жрать и поглощала рыбу в невиданных количествах. Женщине я всю ночь рассказывал в своей хижине истории, а птица орала под дверью, требуя еще рыбы. Рассказывал о ледяном драконе, у которого кость и панцирь крепки так, что не пробить копьем, но есть единственное место на лбу между глаз, где кость тонка, и если метко пустить стрелу или бросить копье, то можно добыть такого зверя. Правда, у охотника редко бывает больше одной попытки. Ведь надо, чтобы ледяной дракон бежал прямо на тебя. За ним охотятся настоящие храбрецы. Рассказывал о морозных великанах, чье дыхание светится по ночам на небе. Вел истории о перевале воющих духов. Лишь настоящие безумцы могут пересечь его ночью, когда приходится вбивать в торосы ледоруб, сделанный из лапы ледяного дракона, чтобы тебя не унесло ветром. Когда снежные духи летают возле тебя и от их завывания кровь стынет в жилах. Но зато открывается вид на заледеневший Иггдрасиль.

Она слушала и улыбалась, все пытаясь вывести тайну золотого цветка, что расцветает среди торосов в самую лютую

пору. Но я не могу вспомнить ее лицо, вместо Гульвейг вспоминается Мария. Если все женщины Вормса по темпераменту похожи на нее, то я иду в город-всех-дорог не зря.

— Я иду, чтобы спасти твоего сына, не забывай, кто ты есть на самом деле, — сказал я.

— Не забываю, — вздохнул Олег. — Но все так странно, будто меня двое. Настоящий я должен места себе не находить от тревоги, но придуманный я ведет себя чересчур спокойно. Проверь, пожалуйста, мы правильно идем?

Я остановился и сосредоточился. Объемный мир замер, потом начал распадаться на отдельные полигоны, графика упрощалась. Деревья сначала стали угловатыми, потом вообще утратили рельеф, словно превратились в отдельные нарисованные спрайты. На ровной, как стекло, дороге появился цифровой след Ежика, ведущий к городу-всех-дорог. Я видел его столь же четко, как и изменения биржевых графиков, когда это требовалось. Главное, зайти за человеком в сеть с его компьютера, а потом держать след, словно собака-ищейка.

— Да, мы идем правильно, — сказал я.

И мир вновь стал объемным. Вместе с усталостью нахлынули краски и ощущение жизни.

— Интересное свойство, — сказал кто-то позади нас.

Мы развернулись одновременно, я выхватил меч, над ладонью Олега зажглись руны. Человек стоял на дороге — мгновение назад его не было, а сейчас он как ни в чем не быва-

ло смотрел на нас, и улыбка играла на его губах. Глаза прятались в тени широкополой шляпы. Черный плащ висел за спиной, словно крылья.

– Кар-р-р! – сказал сидящий на его плече ворон. – Р-р-р!

– Хугин, перестань. – Незнакомец щелкнул ворона по клюву и обратился к нам: – Путь держите вы в город-всех-дорог? Не часто гости радуют своим приходом. Меня звать Вот, – он поклонился и снял шляпу. Черные длинные волосы закрыли его лицо.

– Это игрок, – тихо сказал я Олегу. – Кажется, из старожилов, тех, что попали в игру одними из первых. Жаль, что здесь у игроков нет общего уровня, новичку без особого умения не проверить, насколько развито мастерство другого.

– Могу составить вам компанию, мы с Хугином истосковались по общению, – человек водрузил шляпу на голову. – С достойными – ведь что может быть прекраснее друзей, что спины защищают друг у друга.

– Спасибо, – сказал Олег, – мы уж как-нибудь сами доберемся.

– Для счастья нам не нужно много, – продолжил Вот. – Лишь дорога, что ведет по жизни, и друг, который ступает рядом. Но ваше право идти одним. Хочу лишь я предостеречь. О скорой гибели, коль не найдете средство, что раны, нанесенные в лесу, излечит.

– Раны? – Олег схватился за грудь. – Всего лишь царапины. Правда, зудит, зараза.

– О чем игра? – спросил Вот, обращаясь к своему ворону. – О противостоянии людей и монстров, коих здесь троллями привыкли величать. Они повсюду: камни и деревья, вода и ветер могут ими обернуться. Но почему в меню игры лишь человека выбрать можно?

– Ты знаешь, что мы в игре?! – воскликнул я. – Ты остался в сознании?

– А потому, – продолжил Вот, не замечая моего вопроса, – что любая рана того, кто бился с троллем, изменит. Забудет он, что человеком был, и во враждебный лагерь перейдет, где будет жить с такими же, как он, в лесу холодном и сыром.

– Я превращусь в монстра? – спросил Олег. – Не может быть.

Вот обернулся к нам и посмотрел таким взглядом, будто впервые увидел.

– В Вормсе есть лекарство, – сказал он. – Но дорогое. И времени у вас мало. Скоро, пройдет лишь день иль два, как новый монстр будет выть ночами, пугая горожан.

– День или два, – прошептал Олег.

– А не сочиняешь? – спросил я. – С какой стати тебе нам помогать?

– Сочиняю? – удивился Вот. – Зачем? Хугин, мы сочиняем?

– Нет! – каркнул ворон, и его хозяин распушил перья у него на груди.

– Может, ты тролль, – предположил Олег.

– Мы тролли? – спросил Вот у ворона.

– Нет! – вновь каркнул ворон.

– Хугин говорит, что мы не тролли.

– Ты видел здесь ребенка? – спросил я. – Должен был подключиться к игре день назад. Новый игрок.

– Они спрашивают, видели ли мы нового игрока? – обратился Вот к ворону.

– Нет! – сказал ворон.

– Хугин говорит, что мы не видели, хотя встречали многих, – ухмыльнулся Вот. – Но уже давно никто не проходил, лишь только двое: монстр и мертвец.

– Врешь! – воскликнул Олег.

– Мы врем? – спросил Вот у Хугина.

Ворон пригладил клювом выбившийся из-под шляпы хозяина локон.

– Нет! – сказал он.

– Идите к черту, – в сердцах бросил я.

Возникла надпись: «Получено мастерство дипломатии, уровень первый».

– Все мы здесь в ловушке. Нам не уйти, куда бы ни послали.

Вот снял шляпу, поклонился, и его не стало, только черная тень метнулась к лесу. Лишь где-то вдали каркнул ворон да слышались хлопки крыльев.

– Чертовщина какая-то, – сказал Олег. – Думаешь, он не врал насчет превращения в монстра? И почему он называл те-

бя мертвецом?

– Не знаю. Покажи еще раз царапины.

Олег расстегнул куртку и рубаху на груди, прикоснулся к ранкам и как-то визгливо, по-детски, вскрикнул:

– Ай! Ты смотри, кажется, серость вокруг царапин дальше расползается. Слушай, наверное, этот тип был прав. Идем быстрее в город, надо достать лекарство.

– Успеем, время еще в запасе есть. В крайнем случае, можешь выйти и переподключиться, создать нового персонажа, а старого удалить. Ты же в сознании.

– Сейчас, – сказал Олег и замер.

Затем посмотрел на меня.

– Что-то не получается вызвать меню. Попробуй и скажи, что я не так делаю.

Я попробовал. Потом еще раз попробовал.

– Знаешь, – сказал я после третьей попытки, – у меня плохие новости. Меню не вызывается. Эта игра, как ловушка, не выпускает своих игроков.

– Выходит, что Вот был прав? – тихо сказал Олег.

– Получается, что так.

Олег посмотрел на царапины у себя на груди.

– Хреново, – сказал он.

* * *

Вормс мы увидели издалека. Его башни возвышались над

деревьями — на первый взгляд слишком узкие, чтобы быть комфортными, слишком высокие, чтобы легко подниматься в комнаты, расположенные у вершин, они демонстрировали честолюбие волшебников, стремившихся перещеголять соперников. Ведь тот, кто построит самую высокую башню, получит себе большинство молний во время редких летних гроз. Сейчас волшебники из настоящих собирателей молний, те, что помнили еще Эрика Яростного, высадившегося на берег у фьордов и объявившего эту землю своей, остались в прошлом. Их башни смотрели пустыми окнами на город и служили пристанищем для воронов и гарпий. Еще в них изредка, в пору осенних ветров, заносило гигантских пауков на парусах из паутины. Накопители молний, те, что еще работали, собирали никому не нужное небесное электричество.

Ниже башен расположены подвесные мосты, которые должны служить путями сообщения во время сильных снегопадов или паводков. Но только сумасшедший будет идти по ним в лютую зиму, когда их раскачивает ветер и можно поскользнуться на заледенелых досках. Это рассказывала мне Гульвейг, оставшаяся в моей хижине на вторую ночь, когда мои истории закончились. Ветер кидал в дверь льдинки, где-то вдали завывал морозный великан, горела свеча, и собирательница трав прижималась ко мне всем телом. Наутро она ушла.

Вровень с мостами поднимались покрытые черепицей дома зажиточных горожан. Железо и обожженная глина давно

потускнели и растрескались.

Так выглядел город-всех-дорог, когда мы шли по лесной дороге. Но едва мы подошли ближе, как Олег удивленно при-свистнул. Городские ворота были распахнуты, ветер заносил в них сухую листву. Железный лес, темный и неприветливый, место, где обитают тролли, подступал вплотную к городским стенам. По кладке поднимались колючие побеги, молодые деревца, отталкиваясь друг от друга, взбирались все выше и вгрызались корнями в камни. Слева от ворот, шагов пятьдесят на запад, росло огромное дерево. Его ствол проломил стену, ветви простирались над городом и лесом, вершина терялась среди облаков – белых, пушистых, с розовым отливом от заходящего солнца. Под ними кружились крылатые тени – то ли птицы, то ли гарпии.

Удивительно, что за массой деревьев мы не увидели гиганта раньше. Коричневая листва на нижних ветвях указывала на приближение зимы. Вверху, там, где светило солнце, ветви зеленели изумрудными оттенками, словно принадлежали совсем другому миру. Дерево подавляло величию, было совершенно невозможным здесь, возле Вормса. Я видел уже такой ясень, мертвый, покрытый ледяной корой, когда шел через перевал воющих духов. Помню простирающуюся за перевалом ледяную равнину, покрытую торосами, светящееся небо и гигантский белый ясень Иггдрасиль, сохранивший свое величие даже после гибели. Он стоял на самом горизонте – огромное дерево в ледяной броне, заросшее со-

сульками.

– Куда семена Иггдрасиля занесло, – сказал Олег. – Растет новое дерево предела. Город выглядит подозрительно пустым, ты заметил?

Мы прошли сквозь ворота. Ворон, сидящий на дереве, каркнул, и его крик затих в лесном тумане.

Третья авантюра

Город-всех-дорог

Ветер гулял по площади, водил хороводы из опавшей листвы вокруг памятника Эрику Яростному, завывал в узких разбегающихся улочках. Каменный Эрик стоял, горделиво поднимая боевой молот, на котором вороны свили гнездо – наваленную так-сяк кучу веток. Пернатый владелец гнезда взгромоздился к Эрику на макушку и сердито косил на нас взглядом.

У памятника прямо на каменной брусчатке сидел нищий. Обычный попрошайка, подобных встретишь в любом городе, будь то тихий Формир, или Вормс, где собираются толпы авантюристов.

Я должен был найти след Ежика, остановился, сосредоточился, изменяя реальность. Сначала распался на отдельные составляющие памятник. Каменное тело Эрика превратилось в цилиндр, руки – в вытянутые трубки, голова стала шаром с нарисованным лицом. Вместо ворона – спрайтовая модель. Город – лишь декорации среди программного кода, где выделялся цифровой след Ежи. След бежал, растворяясь среди символов, вновь выныривая среди спрайтовых моделей, а потом внезапно обрывался. Ежик исчез. Я помахал головой, и город обрел реальность.

– Не густо людишек нынче! – нищий поприветствовал нас склянкой, на дне которой плескалась мутная жидкость, приложился к горлышку и высосал содержимое. – Дело-то того, к вечеру идет. Кто был, по домам разбежались. Ну, и мне пора нору искать.

Он поднялся, помахал склянкой, проверяя, не остались ли еще капли пойла, затем швырнул ее в сторону ворот.

– Пойду я, – он потянулся, не спеша уходить.

– Это NPC, – шепнул я Олегу. – Non-Player Character, неигровой персонаж, ходячий справочник. Слышь, подожди, добрый человек! – Я кинул нищему монетку, и тот с неожиданной ловкостью, будто и не пил вовсе, поймал ее на лету и сунул за пазуху. – Ты вчера здесь мальчика не видел? Должен был прийти через ворота, новый иг... гость в городе.

– Видал, а как же не видеть? Я здесь все время стою, пока не сожрут меня, несчастного, ни за что слопают с потрохами темной ночью.

– Куда он пошел? – нетерпеливо остановил словесный поток Олег.

– Пошел, – нищий задумчиво поскреб щетину на подбородке. – Куда же он пошел?

– Я тебя спрашиваю, куда он пошел?

– Кто?

Олег поднял руку, над ладонью зажглись огненные руны. Я схватил его за рукав, потряс, сбивая магию, и руны с шипением погасли.

– Мальчик, – сказал я. – Вчера. Куда направился?

«Мастерство дипломатии достигло второго уровня».

– А, мальчик! – улыбнулся нищий. – Так того, – он покрутился, затем махнул рукой в глубь города. – Туда! Вот, значит, прямо туда и пошел, даже не заглянул к Илве.

Туда же, на узкую улочку, мимо покосившейся башни великий мною цифровой след Ежика. Там он и пропадал, не оставляя мысли, куда исчез мальчишка.

– Кто такая Илва? – спросил я.

– Владелица «Волчьей головы», вон того, башка зубастая висит над входом, – нищий ткнул пальцем в обитую железными пластинами дверь. – Не ее башка, ясное дело, а волка, ха-ха, – рассмеялся он, демонстрируя пожелтевшие зубы. – Все, кто в город приходят, обязательно у нее останавливаются. И вам, значит, туда надобно.

– Зачем? – хмуро спросил Олег.

– Вечер, – поднял вверх указательный палец наш собеседник. – Скоро твари появятся, сожрут, значит, тех, кто не спрятался.

– Твари? Из леса? – удивился Олег. – А как же стражники?

– Так нет никого. Как, значит, дерево-то стену проломило, защищать город сразу некому стало. Вона, Граф всех поразогнал, сам охранять взялся, да только первым прячется, как цуцик.

– Ты лучше скажи, где у вас здесь алхимики? – задал вопрос Олег, почесывая грудь.

– Алхимики?

– Лекари, те, кто с травами возятся. Кто лечат, ну?

– А, травники! – обрадовался нищий. – Так нет их. Вернее, есть, но у Графа все. Он их, значит, под собственное покровительство взял, под крылышко, так сказать, хе-хе. Хотите что купить – к Графу идите, он денежки любит.

– Кто такой Граф? – спросил я.

Нищий обеспокоенно поглядел на небо.

– Некогда мне с вами разговаривать. У вас, значит, денежки водятся, Илва примет, а мы люди бедные, нам искать, где спрятаться, надо.

Я бросил еще одну монетку, нищий расплылся в улыбке, повернулся и потопал с площади, припадая на правую ногу.

– Где в городе травники? – крикнул Олег в спину уходящего попрошайки. – Где мой сын?

– Идем в таверну, нам надо переждать ночь, – сказал я. – Ежик тоже спрятался, не волнуйся.

Его след потерялся, я не могу его найти, но говорить об этом Олегу тоже еще рано.

Глаза волка зловеще светились отраженным заходящим солнцем. Окна таверны закрывали толстые деревянные ставни, обшитые, как и дверь, стальными листами. На двери металл был исполосован, длинные царапины тянулись от верха до низа, словно кто-то пытался прогрызть проход либо рвал дверь когтями. Олег провел пальцем по бороздам и удивленно присвистнул.

Мы нырнули в душную атмосферу таверны, где горели свечи и витали пропитавшие воздух дым, винный аромат и запах жареного мяса. На скрытых сумраком стенах висели охотничьи трофеи: головы вепрей и волков смотрели на посетителей стеклянными глазами, скалилась саблезубой пастью шкура тигра. Над очагом, в котором разлегалась сонная саламандра, хищно раскрывала клюв голова гасторниса. Свечи стояли на столе в центре зала. За столом сидели трое поздних посетителей – здоровенный бородатый детина со свернутым набок носом и напротив него двое других таких же громил. Бородач размахивал косточкой, подзывая хозяйку таверны.

– Илва! – от могучего рева вздрогнуло пламя свечей. – Илва, где ты, тролль тебя задери, иди сюда!

Из тени в углу комнаты вынырнула хозяйка заведения, гибкая, словно кошка, которую кто-то разodel в меховые куртку и юбку. Шерсть с пятнами жира склеилась, потеряла внешний вид, но не могла скрыть женскую красоту. У Илвы были тонкий нос и полные губы. Светлые волосы, собранные в тугую косу, падали на спину. Илва одарила меня взглядом белой моржихи во время брачных игр. Зрелище, когда самки первыми начинают заигрывать с толстыми неповоротливыми на суше моржами, забыть нельзя. Ласковые покусывания, ускользание из объятий, рев самцов, чьи огромные бивни окрашены кровью соперников. Но выражение глаз Илвы тут же изменилось, когда она посмотрела на бородача. Это

был взгляд яростной волчицы, охраняющей потомство, что гораздо страшнее. Я вдруг понял, что ее одежда скроена из шкуры черного волка. Добыть такую весьма непросто.

Илва безропотно подошла к здоровяку, но не вцепилась ему в горло, а села на подставленное колено. Во мне вдруг вскипело чувство оскорбленного самца. Странно, я только что увидел незнакомую женщину, а чувство ревности, глупое, ничем не оправданное, заволокло сознание. Я охотник. Я убил ледяного дракона. Я пришел сюда за женщинами. Нет, зачем я себе вру, я пришел лишь за Гульвейг. За ее улыбкой и упругими грудями, за смехом, подобным тому, которым заманивают путников снежные тролли, за волосами, пахнущими травами. За девой, которая явилась в мой дом незваной и ушла, не спрашивая разрешения. Я понял, кого мне напоминает Илва, – ее лицо, словно отраженное в зеркале лицо Гульвейг, но черты немного другие, более резкие и хищные.

Прежде чем я успел что-либо сделать, Олег подошел к столу и сел на лавку возле бородача. Тот словно только что нас заметил.

– Давай, выпей с нами, – бородач придвинул чашу с вином к Олегу. – Пей, говорю. Тут питья вволю. Людей Графа нынче угощают, – он посмотрел на Илву, вытер ладонь о свою куртку и схватил хозяйку таверны пониже спины, утопив пальцы в черном меху. Мне на мгновение представилась волчица, вгрызающаяся ему в лицо, но Илва лишь вздрогну-

ла. – Сегодня ты еще не платила за охрану.

– Я передам деньги самому Графу. Завтра, – сказала Илва. Голос у нее оказался мелодичным, чем-то напоминающим звонкие переливы голоса Гульвейг.

– А мы чем плохи? – ухмыльнулся бородач.

С треском разлетелась чаша, которую Олег опустил на голову бородача, вино выплеснулось багровыми потоками, бородач рухнул на стол, перевернув тарелку. Прежде чем тарелка скатилась на пол, Олег перегнулся через стол и ударил кулаком в лицо сидящего напротив. Тот с неподобающим для мужчины визгом опрокинулся на спину. Третий хрипел в моих объятьях. Я сам не понял, как это произошло, но обнаружил себя стоящим позади громалы и сжимающим его шею, а он безуспешно пытался вырваться из моего захвата.

– От-т-пусти! Хр-р-р...

Второй вскочил на ноги, из его разбитого носа лилась кровь. Выхватил меч – грубый клинок, зазубренный, побывавший не в одной драке.

– Не советую, – сказал я, глядя на Олега.

Его руки лежали на столе раскрытыми ладонями вверх. По столу бегали огоньки. словно живые, они заглядывали в тарелки, взбирались по чашам, с шипением гасли в вине. Воняло горелым мясом. Проснувшаяся в очаге саламандра оглядывала зал поросьчьиими глазками. Я понял, что если Олега не остановить, то погибнут все. Сначала в неугасимом огне вспыхнут люди. Будут кататься по полу в тщетной по-

пытке погасить пламя, а волшебный огонь начнет пожирать одежду и плоть. Перекинется на пол, займутся лавки и столы, сгорят головы животных, рухнет крыша, и в пламени останется танцевать лишь саламандра. Олег немигающе смотрел на второго громилу. В глазах моего друга плясали огоньки. Какого уровня твое мастерство огня? Что дала тебе игра при старте?

– Хр-р-р, – пальцы третьего сжимали татуировку «Игорь Ламберт». Позже на руке проявятся синяки, но зато я помню свое имя. Всегда помню.

Я – ретурнер, явившийся в игру за сыном Олега. Мы в игре. Вокруг все понарошку. Я усилил захват. Хрипение стало захлебывающимся.

– Олег, остановись, – сказал я. – Мы в игре, не забывай, кто ты.

Я видел не Олега – за столом сидел готовый убивать огненный тролль.

– Отпусти, – бросил второй. – Отпусти Сигмара.

Зазубренный меч вернулся в ножны. Режим «хардкор», вспомнил я, ослабевая захват. Только одна жизнь. Мой пленник схватился за горло, судорожно втягивая воздух.

«Умение рукопашного боя достигло второго уровня. Ваша сила выросла до семи единиц».

– Забирайте этого и уходите, до темноты еще успеете, – кивнул на бородача Олег. Его голос был хриплым и незнакомым.

– Граф вам еще это припомнит, – выдохнул второй, выплевывая кровь на пол. – Я лично выпущу вам кишки.

Саламандра метко плюнула загоревшейся в воздухе слюной, громила схватился за обожженную щеку и выругался. Они подхватили своего предводителя под мышки, бранясь и опрокинув лавку, выволокли наружу. Из раскрытой двери дохнуло вечерним холодом. Мне показалось, что возле памятника стоит черная фигура в широкополой шляпе с воронком на плече.

– Запри на засов, – сказал Олег.

Троль спрятался в теле моего друга. Огоньки собрались назад в его ладони. Я выполнил просьбу, оглянулся и спросил:

– Кто я?

– Игорь Глаз дракона.

– Кто я? Вспоминай!

– Ламберт! Игорь Ламберт.

– Кто ты?

– Олег. Я все помню, Игорь, хватит.

Он зачем-то собрал с пола осколки разбитой тарелки и положил на стол.

– Зачем вы это сделали? – спросила Илва. – Вмешались в заведенный порядок.

– Не знаю, – пожал плечами Олег. – Как-то само получилось. Нам нужно переночевать, и на рассвете мы уйдем.

Он достал из кармана несколько монет, что достались ему

при старте игры, и выстроил из них на столе башенку.

– Хватит? – спросил он.

– Ну, уж нет, – Илва села за стол, налила в чистую чашу вино, выпила за один присест и вытерла рот меховым рукавом. – Не получится. Завтра они вернутся вместе с Графом. Что мне прикажете тогда делать? Ваши деньги меня не спасут. Может, лучше выдать вас, и тогда они не сожгут мою таверну?

– Кто такой этот Граф? – поинтересовался я.

В очаге захихикала саламандра. Олег бросил ей косточку, саламандра поймала ее на лету и, урча, зачавкала, выпуская из рта стайки искорок.

– Да никто! Самозванец, объявивший себя владельцем заброшенного замка. Сначала подбивал народ отправиться туда вместе с ним, чтобы отвоевать замок обратно. Потом сколотил банду и взял под контроль наш город. Разогнал ополчение. Мы все теперь в его руках. Хочешь купить у лекаря снадобье – плати втридорога, желаешь просто выжить в этом городе – или будь среди людей Графа, или, опять же, плати. И побольше этого, – она сгребла монеты и сунула в карман.

– Рэкет, – сказал я. – Обыкновенное вымогательство.

– Возможно, – улыбнулась Илва, – хотя я не знаю такого слова. Кто вы, воин и волшебник, что без разрешения вышвырнули людей Графа?

– Игорь, – слегка кивнул я. – Олег, – указал на друга. – Нам нужно лекарство – Олега поцарапал тролль. У тебя оно

есть?

– Покажи, – нахмурилась Илва.

Олег снова расстегнул куртку и рубашку. Илва прикоснулась к расползшимся по его коже серым пятнам. Я вспомнил ласковые пальцы Гульвейг, дотрагивающиеся до моей груди.

«Какая у тебя гладкая кожа, без волос, как у мальчишки», – смеялась она.

«Да», – улыбался в ответ я, мысленно возвращаясь в лютый холод, когда десятилетний мальчишка шел сквозь колючую метель вместе с остальными выжившими после нападения великанов. Я плакал, и слезы замерзали прозрачными бусами. Я покрывался коркой льда, не чувствуя тела. Но упрямо шел вперед. Я выжил, один из пятерых счастливцев, что добрались до селения, где были огонь, тепло и еда. Наверное, с тех пор на моей коже не растут волосы. Она стала грубой и потеряла чувствительность. Но я ощущал коготки Гульвейг, которые пришли на смену мягким подушечкам пальцев. Острые заточенные ногти оставляли на коже едва заметные царапины.

«Расскажи, где найти золотой цветок».

«Может быть, потом».

«Расскажи сейчас».

«Ты погибнешь там сама, тебе нужен я».

Ее губы прикоснулись к щеке, опускались на грудь.

«Мне не нужна ничья помощь».

– У меня нет лекарства, что может излечить касание тролля, – сказала Илва. – Его возможно достать лишь у травников Графа.

– Плохо, – нахмурился Олег.

– Еще одна алхимическая лаборатория была в заброшенном замке, но там поселились тролли.

– Тогда я убью Графа, – Олег сказал это, не задумываясь, словно такой выход был для него естественным и не требовал обсуждения. – Сколько у него человек?

– Около тридцати.

– Это усложняет дело, – Олег почесал зудящую кожу на груди.

Сколько ему осталось до превращения, когда он изменится и уйдет в лес?

– У тебя нет сестры? – спросил я у Илвы. – Ее звать Гульвейг, и она травница.

– Нет, – улыбнулась Илва. – У меня нет сестры. Гульвейг – это я сама. Но Гульвейг погибла полгода назад.

* * *

Трижды рожденная, она умерла уже дважды. Гульвейг – травница, ушедшая на север за своей мечтой, покоряющая мужчин роковая женщина и одновременно искусный лекарь, исцеляющая раны. Она не вернулась из похода, оставшись во льдах.

Бирта была воительницей, не знавшей пощады. Ее стремительных мечей, способных ловко разделить надвое падающую дождевую каплю, страшились враги. Но мечи не способны защитить от предательства и удара в спину.

Осталась лишь Илва. Самая осторожная и не желающая покидать город.

– Гульвейг умерла? – все еще не веря, вновь спросил я.

– Да, – сказала Илва.

Олег опустил руку мне на плечо, и я не нашел силы ее сбросить.

– И нет, – добавила Илва. – Ведь я – это же она, Гульвейг лишь покинутое мною тело.

– Нет, она другая. Возьми, – я достал из кармана золотой цветок и протянул Илве. – Он мне больше не нужен.

Говорят, что из золотых цветов можно приготовить отвар, надолго сохраняющий молодость. Они распускаются за перевалом воющих духов в ночь, когда зима достигает своего пика. Цветы пробивают лед и расцветают – желтые пятна на снегу. Сорванные, они покрываются настоящей золотой коркой, под которой сохраняется сок, дарящий молодость. Если его, конечно, правильно приготовить, иначе текущая под золотом белесая жидкость лишь яд.

– Возьми, – повторил я.

Илва осторожно взяла цветок и поднесла к лицу, вдыхая несуществующий аромат – золотые цветы не пахнут.

– Почему ее трое? – спросил у меня Олег. – Как это может

быть?

– Иногда, когда позволяет игра, чаще всего в начальных версиях, игроки могут создать для себя несколько персонажей. Между ними можно переключаться в любой момент, проживая сразу несколько историй. Одно сознание, но разные судьбы.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – улыбнулась Илва. – Я не спорила, когда ты пытался рассказать, что мы живем в придуманном мире. В конце концов, люди могут верить во что хотят. Но будь добр, не касайся моей жизни. Я всегда была такой, сколько себя помню.

Она не вспомнит себя из реального мира. Я не знаю, кто она в жизни, и не могу вернуть ее воспоминания. Илва так и останется трижды рожденной.

За входной дверью притаилась ночь.

– Мне надо выйти наружу, – сказал я.

– Зачем? – удивилась Илва. – Это опасно.

– Я потерял след Ежика.

– Как?! – воскликнул Олег. – Когда?

– Кто такой Ежик? – спросила Илва.

– Его сын. Я выйду и тут же вернусь.

Я осторожно выглянул за дверь, затем ступил на порог в чернильную ночь. Скрипела на ветру голова волка. Город освещала полная луна. По площади блуждали тени. Древнее людей, древнее самой земли, они казались бесформенными клочками мрака, из которых появлялись щупальца и крылья,

суставчатые ноги и скорпионьи хвосты – все то, что подсказывала человеческая фантазия, придумывающая себе ночные страхи. Порождения Железного леса заполнили Вормс в поисках добычи. На Эрике возле вороньего гнезда сидел человек в плаще и шляпе. Увидев меня, он приветливо помахал рукой. Ворон на его плече сверкнул желтым глазом.

Я сосредоточился, и площадь утратила объем. Исчезло динамическое освещение, тени превратились в статические кляксы, луна стала желтым кругом. Появился след Ежика. Он бежал, петляя среди домов, проваливаясь в программный код и снова выныривая в виртуальную реальность, вел туда, где спрятался мальчишка. Ежик жив, и мы его найдем. Но почему днем пропадал его след?

В тот момент, когда мир обретал реальность, я увидел. Над Вормсом поднимался призрачный город. Блестящие дома сливались с домами города-всех-дорог. Белые башни, обшитые зеркалами и металлом, возвышались возле башен волшебников. Словно запутавшись среди подвесных мостиков, в воздухе висел летающий корабль, обтекаемый, будто капля воды, стремительный и неукротимый в своем совершенстве, он выглядел готовым в любой момент унести в небесную высь.

– Кар-р-р! – заорал ворон, я вздрогнул от неожиданности.

Тени подобралась совсем близко. Я ощутил зловонное дыхание, услышал скрежет хитиновых панцирей и постукивание о камни множества лап. Я успел вернуться в таверну

и захлопнуть за собой дверь. Лязгнул засов. С той стороны ударили чем-то тяжелым, заскребли по металлу, и наступила тишина.

– Нашел? – спросил Олег.

– Да, есть след!

В дверь снова ударили, кто-то вздохнул, процарапал по стене и подергал ставни.

– Не бойтесь, они не ворвутся, – сказала Илва.

– Где Ежик? – снова спросил Олег.

Я повернулся к Илве.

– Я видел призрачные дома, что это?

– Лунный город, – ответила хозяйка таверны. – Он появляется лишь во время полной луны на несколько ночей, а потом исчезает с первыми лучами солнца. В него трудно попасть и невозможно выбраться. Говорят, что он не выпускает ступивших на его улицы.

– Как в него войти?

– Ночью надо отыскать вход. Зачем тебе это?

– Там Ежик. Он вошел в Лунный город и пропал вместе с ним. Сейчас вновь появился ведущий к нему след. Наверное, Ежик не может выбраться.

«Х-х-е-е!» – выдохнули за дверью.

Стена вздрогнула от удара, по ней застучали, будто выпустили множество стрел.

– Х-х-е-е! – ответил Олег.

Голос был не его, скрежещущий и хриплый.

– Ты чего? – спросил я.

Глаза моего друга неотрывно смотрели на стену.

– Олег! – прикоснулся я к его руке.

– А? – он словно очнулся ото сна. – Я ничего, я в порядке.

– Сегодня не выбраться, – сказала Илва. – Они тебя почуждали. Ждут.

– Паршиво, – сказал Олег. – Игорь, как мы найдем Ежика?

Он почесал зудящую кожу на груди.

– Завтра луна еще будет полной? – спросил я у Илвы. Та согласно кивнула. – Значит, следующей ночью мы должны пробраться мимо троллей и войти в Лунный город. Если переживем утро.

– Если переживем, – вздохнул Олег. – Откуда он взялся, это одна из локаций игры?

– Не думаю, – сказал я. – Однажды я уже встречал подобное. Программер создал игру, используя заготовки, и в его мире остались части старого кода. Они появлялись в виде артефактов из прошлой игры, миражей, в которые можно было попасть, фантастических пейзажей, возникающих, словно фата-моргана.

Снаружи раздался удар, и с потолка посыпалась пыль.

– До утра не выйти, – сказала Илва. – Тролли уберутся с первыми лучами солнца. Вам надо уйти до того, как появятся люди Графа.

– А ты? – спросил Олег.

– Справлюсь как-нибудь, – махнула рукой Илва. – Дого-

воримся. Не впервой. Идемте, я провожу вас на второй этаж к спальням, – сказала она. – У вас несколько часов на отдых.

В очаге снова захихикала саламандра.

* * *

Ночная тишина отличается от дневной – она никогда не бывает полной. Кто-то шебуршит на чердаке – может, домо-вой, а может, старый филин бродит, переваливаясь с боку на бок в предвкушении удачной охоты. Кто-то едва слышно скребется в закрытые ставни, и ты не знаешь, ветка ли колыхнется под порывами ветра, или это тролль пытается пробраться в комнату. В затхлой тишине летает проснувшаяся толстая бабочка. Во время отдыха медленно возвращаются единицы жизни.

По комнате ходит Олег. Скрип-скрип-скрип – из угла в угол. Мается бессонницей. Переживает о сыне, думает о том, сколько осталось времени на поиски лекарства. Я вспомнил, как мой друг отвечал на зов порождений леса, и мне показалось, что возле меня ходит не человек, а тролль.

Я чиркнул огнивом и зажег свечу на столе у кровати.

– Не спится? – спросил Олег, щурясь от света.

– Да, – я не мог оторвать взгляд от его тени.

– Ты что там увидел? – Олег обернулся, и его тень снова стала прежней. Наверное, щупальца мне просто показались. Мало ли что привидится на границе света и тьмы?

– Ложись спать, – сказал я и задул свечу.

Кровать Олега скрипнула под его весом.

– Ты спишь? – спросил он через некоторое время.

– Сплю.

– Она красивая, да?

– Кто?

– Илва.

– Угу. Наверное.

– Красивая. Она похожа на твою Гульвейг?

– Да. Но она другая.

Олег сел на кровати.

– Но ведь это один и тот же человек.

– Нет. Вот ты сейчас кто?

– Не начинай опять свою проверку. Я помню, что живу не здесь, а в другом мире, где подключен к компьютеру. Все в порядке.

– Я имею в виду другое. Кем ты себя больше чувствуешь – кандидатом наук, что пишет докторскую, и отцом семейства, или волшебником, которому подчиняется стихия огня и который сжег дом своего соперника?

– Знаешь, – сказал Олег после раздумья, – я сейчас здесь, в этом теле, пусть оно и не настоящее. Я помню прошлую жизнь, но она как сон. В нее сложно поверить и принять за истину. Ты говоришь, что моя нынешняя жизнь придумана. Нет, я знаю точно, что она навязана мне игрой, но в нее веришь.

– Скажи, тот кандидат наук смог бы без раздумий наброситься на трех громил, как поступил ты?

– Не знаю. Может, и смог бы.

Я вспомнил, как в детстве Олег свалил ударом стула своего врага, и сказал:

– Но мы меняемся. Изменяются не только воспоминания, но и наши характеры. Вот так и Илва с Гульвейг. Когда игрок переключается на другого персонажа, он становится им. Другая личность, другой характер, другая судьба. Это разные люди. Они лишь помнят о других «я». Конечно, что-то общее есть, но Илва – не Гульвейг.

Возле моего лица прошелестели крылья бабочки.

– Значит, ты не будешь против, если я... в общем, слегка за Илвой приударю. Мне кажется, что у нее никого нет, – сказал Олег.

Теперь сел на кровати я.

– Ты с ума сошел? Нас утром могут убить!

– Спешу жить, – хмыкнул Олег.

– А как же Мария? Я понимаю, что твоя Брунгильда наставила тебе рога, но у тебя есть жена в реальном мире. Не забывай, что ты ее увел у меня!

– Мария... А вдруг та, другая жизнь лишь придумана нами? Волшебный сон, который мы принимаем за реальность. Может, ее и нет вовсе?

«Он только мой сын, не его». Мягкие губы на щеке, теплое дыхание, моя ладонь на ее груди под халатом.

– Глупо, – я лег, заложив руки за голову. – Лучше признайся, что ты бабник по жизни. Может, ты тогда увлекся Марией лишь потому, что она была моя?

– Не помню. Да и не жил я в том сне нормально. Знаешь, в молодости представлялось все по-другому. А потом понеслось по накатанной. Работа, сын, заевшая рутина. Веришь – ни разу Марии не изменял. Хотя жили неважно, надо сказать. Ругались часто. Да и вообще.

Наверное, ночью легче изливаться душу. Ты не видишь собеседника. Он словно безликий слушатель, который поймет, примет на себя часть твоих проблем. А даже если и не поймет, тебе в любом случае станет легче.

– Сейчас та прошлая жизнь, будто не моя, – сказал Олег. – Кажется, я понимаю людей, которые навсегда уходят в игры. Дурной сон забывается, и ты живешь с чистого листа. Ты что об этом думаешь?

– Дураки, я думаю. Лично я всегда возвращаюсь. Потому что так надо. И еще утром нам надо выжить и спасти твоего сына. Дай поспать.

Мы замолчали. Мне показалось, что по полу со стороны кровати Олега ко мне ползут щупальца. Я попытался отключиться, уснуть, но вскоре меня разбудил скрип кровати. Олег поднялся, судя по звукам, оделся и на цыпочках вышел из комнаты.

Ну и пусть. Илва – не Гульвейг. Вообще – какое мне дело?

Наверное, я уснул. Во сне я был волком и бежал за черной волчицей. Она неслась впереди, перепрыгивая сугробы и скользя меж торосов, неукротимая и смелая, звала за собой. Я бежал и не мог остановиться. Позади вздымался лед, торосы проваливались в воду, ревел кракен, но я не оглядывался. Глыба льда справа от меня встала на дыбы, замерла и рухнула с оглушительным грохотом.

Я проснулся. Сердце колотилось. Все еще хотелось бежать. Вокруг темнота, и я не понимал, где был грохот – во сне или наяву? Но главное, я помнил, кто я на самом деле. Ночь не забрала мой разум.

Внизу что-то рухнуло, словно обвалилась ведущая на второй этаж лестница, закричал Олег.

Быстрее! Я вскочил и натянул штаны. Меч! Я оставлял его рядом с кроватью. Ножны долой – с оружием в руках я выскочил за дверь.

Нижняя часть лестницы отсутствовала. Клубилась пыль. В погасшем очаге металась разъяренная саламандра, ее сполохи освещали зал, в котором неистовствовал огромный обожженный тролль. Щупальца чудовища крошили на щепки столы и лавки, срывали со стен чучела. Одно из них, обвившееся вокруг тела Олега, прижимало к бокам его руки так, что не пошевелиться, и подтаскивало к раскрытой зубастой пасти.

Из темноты выпрыгнул черный волк, вцепился в монстра, терзая склизкую плоть. Тролль взревел, взмахнул щупаль-

цем – и волк с визгом отлетел к стене, ударился и тут же снова вскочил на ноги. Стоял, пошатываясь и оскалив зубы, готовый снова броситься в бой.

Раздумывать было некогда. Я обхватил меч двумя руками, оттолкнулся от края обвалившейся лестницы и прыгнул троллю на голову. Ее покрывала слизь, на панцире было не за что уцепиться, но, прежде чем соскользнуть, я успел вонзить меч в тролля. Клинок с хрустом проломил броню, вверх забил фонтан слизи. Я ударился плечом о пол, откатился в сторону. Тролль, ревя и размахивая щупальцами, исчезал под землей. Сначала в черном провале скрылась голова с моим мечом, следом толстыми змеями заползали щупальца. Одно из них уносило добычу. Олег уже не кричал, он безвольно повис, стиснутый серыми кольцами.

Я увидел его меч, лежащий на полу. Бросился, схватил оружие и рубанул по щупальцу. Волк прыгнул следом, схватил щупальце зубами. Под землей заревел уползающий тролль.

Перед глазами возникло сообщение: «Умение «Владение мечом» достигло второго уровня. Ваша ловкость увеличена до семи».

И все затихло. Оседала пыль. Тяжело дышал лежащий Олег. На его теле выделялись серые пятна, начавшие покрываться панцирем. Возле меня сидел на задних лапах волк. Нет, не волк – волчица. Она поднялась, подошла к Олегу и лизнула его в лицо. Раз, другой, третий, ее язык счищал с

лица моего друга слизь и кровь. Олег застонал, открыл глаза и, увидев перед собой зубастую морду, в ужасе отшатнулся. Вскрикнул, заерзал ногами, пытаюсь отползти.

– Перестань, – сказал я. – Это Илва.

– Кто? – спросил он.

Волчица отбежала в темный угол. Для того чтобы превратиться в человека, ей не понадобилось кувыркаться через голову или совершать какие-либо другие ритуалы, мгновение – и на месте волка стояла обнаженная женщина с исцарапанной правой рукой. На пол стекали капли крови.

– Илва – оборотень и не станет троллем, – пояснил я, видя недоумевающий взгляд Олега. – Удивлен, что ты не понял это с самого начала.

Илва приблизилась к Олегу, нагнулась и опустила голову ему на грудь. На секунду мне показалось, что она снова лизнет его в лицо. Я отвернулся. Без одежды Илва еще больше напоминала Гульвейг.

– Хи-хи, – сказала саламандра, сворачиваясь калачиком в очаге. – Хи-хи.

И что-то забормотала себе под нос, словно попугай-пересмешник, повторяющий человеческую речь.

* * *

Рассвет над Хвергельмиром стремительный, как удар меча. Только что город накрывала тьма, и вот уже площадь

залита утренним светом. У самой земли стелется туманная дымка. Над домами выглядывает солнце. Мы стоим у входа в «Волчью голову» и смотрим на людей Графа. Опоздали, теперь не уйти.

После бегства тролля мы как можно быстрее собрались, чтобы покинуть таверну.

«Я иду с вами, – сказала Илва. – Даже не спорьте».

«Но...»

«Я же сказала – даже не спорьте».

Она обхватила руку Олега и прижалась к нему. Мой друг выглядел смущенным.

Из подземного хода, прорытого троллем, несло сыростью. Туннель уходил в землю под углом, при желании, в него можно было спуститься. В темной глубине завывал ветер. Нагромодив столы, мы сумели подняться на второй этаж за одеждой и вещами. Илва принесла с чердака меч в ножнах из дерева и плотной кожи.

«Держи, – сказала она, протягивая клинок. – Это один из мечей Бирты. За цветок, что ты подарил мне».

«Спасибо», – сказал я.

«Вы получили меч с бонусом к урону».

Оружие оказалось прекрасно сбалансированным. Шершавая на ощупь рукоять приятно лежала в руке. Круглая гарда и длинное, слегка изогнутое лезвие вызывали в памяти мечи самураев – быстрые, способные перерубить падающее перо. Я вырвал из куртки Илвы клочок меха и уронил на под-

ставленный клинок. Чуда не случилось – целые шерстинки скользнули по режущей кромке и опустились на пол. Ну и ладно. Все равно меч был великолепен. Бонус к Урону... Какой? В чем он проявляется?

«Идем?» – спросил Олег, посадивший саламандру в добытый у Илвы заплечный мешок, сотканный из нити огненных шелкопрядов с южной равнины Раах. Каждые двенадцать лет стаи этих бабочек перелетают через равнину, сжигая все на своем пути, чтобы в пепле отложить яйца, из которых выведутся гусеницы и окуклятся под землей. Собранная из коконов нить обладает огнеупорными свойствами, но вызывает зуд, если шить из нее одежду.

«Зачем тебе саламандра?» – поинтересовалась Илва. Видимо, она не испытывала большой любви к живущему у очага питомцу и относилась к ящерице, как к неизбежной необходимости. Очаги, в которых обитают саламандры, горят дольше и дают больше тепла.

«Люблю огонь», – пожал плечами Олег.

Теперь мы смотрели на стоящего у памятника Графа. Он наблюдал за нами одним глазом – второй закрывала черная повязка, и улыбался улыбкой маньяка, загнавшего жертву в угол. Жертве не спрятаться. Она обречена, как пойманная кошкой мышь. Граф довольно потирал ладонью кольчугу, блестящую на груди под меховой курткой. Возле главаря банды переминался с ноги на ногу Сигмар с заряженным арбалетом в руках. Еще человек пятнадцать расположились на

площади полукругом. Мне показалось, что среди них мелькнул Вот в черном плаще и широкополой шляпе. Над поднятыми ладонями Олега заплясали огненные руны.

– Даже не думай, – прокричал Граф. – Сигмар на вас весьма зол, и я не хочу его разочаровывать. Стреляет он метко, можете мне поверить. Волшебник сдохнет быстрее, чем скажет «а».

Прищурившись, он проследил, чтобы Олег опустил руки.

– Когда я скажу, бегите в дом, – прошептал Олег.

– Это самоубийство, – ответил я.

– Наверное, – пожал плечами мой друг.

В его опущенных ладонях разгорались огоньки.

– Тебя, Илва, я прощаю, – крикнул Граф. – Разве что повышу арендную плату – жизнь нынче дорогая. А вот твоих гостей прошу в гости к нам. Пусть оставят свое оружие и... Стреляй! – Олег, пригибаясь, вскинул руки, и Граф бросился на землю.

Черный силуэт метнулся из толпы мимо Сигмара. Раздался вскрик, и арбалет упал на камни. Щелкнула тетива, болт ударил в каменного Эрика, срикошетил и звякнул о брусчатку. Сигмар схватился за окровавленную руку. Я потащил Илву в таверну. Скрытая в ней волчица рвалась в бой, рычала, Илву била дрожь, ее волосы поднимались дыбом. Но я прижал ее к себе, держал крепко, не позволяя превратиться в зверя.

– Не надо, – шептал я. – Ты человек.

За нашей спиной вспыхнуло, раздалось шипение, в таверну ворвались клубы дыма. Вбежал Олег, захлопнул за собой дверь. В железные пластины тут же ударило несколько стрел.

– Двое! – Глаза моего друга светились азартом боя. – Я вывел из строя двоих! Вспыхнули, как сухая трава! Мне нужна минута. Когда скажу, распахнешь дверь.

Над его руками закружились огненные руны.

– Ты псих, – сказал я.

– Тролльские выродки! – орал Граф с той стороны. – Я выкурю вас отсюда. Вы сдохнете, как волчье отродье!

Илва упала на четвереньки и завывала. Я опустил ладони на ее плечи.

– Успокойся!

В мешке за спиной у Олега засмеялась саламандра.

– Уходим в туннель за троллем, – кивнул я в сторону провала.

Появилось сообщение: «Ваш интеллект достиг пяти единиц».

– Р-р-р! – зарычала Илва, махая головой.

Мне показалось, что ее лицо удлинняется, из-под верхней губы вылезают клыки.

– Цыц! Уходим! – я потащил Илву к дыре в полу.

– Ты уверен? – спросил Олег.

– Нет!

– Хорошо, идем! – и он первый шагнул во тьму.

Четвертая авантюра

Подземелье

Подземная часть Хвергельмира живет собственной жизнью – неизведанной, опасной, чужой. Людям принадлежит поверхность, и в пространство, лежащее под их ногами, они предпочитают не заглядывать. Вольнонаемным и невольникам приходится спускаться в шахты за железной рудой, золотом, алмазами и черной кровью, что горит даже под водой, но шахтеры видят лишь крохи подземного мира. А те истории, что они рассказывают в тавернах, люди стараются принимать за байки – ведь чего только по пьяни не насочиняешь? Слушатели посмеются, угостят беднягу-шахтера пивом и разойдутся по домам, где будут прислушиваться к раздающимся из-под земли шорохам.

Если ты богач и пол в твоём доме защищён прочными каменными плитами, пропитанными волшебством, – тебе бояться нечего. Хотя ходили рассказы об огромной дыре прямо посреди тронного зала покойного маркграфа из Вормса, Берхарда Смелого. Пропал маркграф. Судя по кровавым следам, тянувшимся к пролому в каменном полу, спасти было некого. Но экспедицию отправили. Пробыла она под землей недолго, встревоженные люди вскоре вернулись, увеличив количество рассказываемых за кружками пива баек.

Если ты не столь богат и пол твоего жилища деревянный, или же спать приходится в хижине прямо на земле, завернувшись в куртку и подстелив сухую траву, то рассказы пьяных шахтеров воспринимаются уже не так смешно. Улыбка выходит вымученной. Ведь проломить доски или бревна забравшемуся под землю троллю не составит больших хлопот. Правда, тролли под землю залезают редко – не любят они этого дела. Зато карлики-цверги привыкли наведываться к людям.

Цверги называют подземный мир Нидавеллиром, и это единственное неизменное слово в их языке. В пещерах Нидавеллира кипят озера магмы и резвятся саламандры. Порождения мрака обретают формы во тьме, куда не проникает солнечный свет. Всем известно: если цверга коснутся лучи солнца, то он окаменеет, серая кожа покроется каменной броней, превратив его в статую. Видел я нескольких карликов, встретивших рассвет, когда вместе с «Алым шиповником» бродил в горах Драгборна. Статуи, бывшие ранее живыми существами, стояли у входа в пещеру, словно произведения искусства, созданные великим скульптором.

Цверги приходят по ночам, предлагают на обмен товары, что-то бомоча на своем странном языке, где каждое слово в новый день может означать совершенно иное, а каждая фраза – лишь изречение из старинных книг. Говорят, что цверги неразумны и только копируют людское поведение, подобно ворону, старающемуся запомнить человеческую речь. Не

знаю, может быть, но Альфриг, с которым мы делили кувшин разогретого вина в морозную ночь, не казался неразумным. Цверг появился в моей хижине неожиданно. Пришел, уставший и измученный холодом и дорогой. Да, его речь была непонятной, но это не имело никакого значения. Помню, как часто он произносил фразу: «Зигфриду пора воссесть на отчий трон», каждый раз вкладывая в слова новый смысл.

Если увидеть вытатуированное на руке имя и вспомнить себя настоящего, то понимаешь, что цверги лишь порождения компьютерного мира, неигровые персонажи, чьи слова генерируются функцией случайного выбора. Но когда в руках зажата чаша с обжигающим губы вином, а возле тебя друг, то вы всегда найдете общий язык.

«Будем, за удачу».

«Зигфриду пора воссесть на отчий трон».

Он улыбался, мы чокались, пили, а потом наливали снова, и эта фаза Альфрига запомнилась мне на всю жизнь.

Говорят, что Берхард Смелый любил искусство и обожал хвастаться перед гостями окаменевшими цвергами. Пойманные карлики дожидались восхода солнца в клетках под открытым небом. Маркграф сам придумывал названия, которые придворный гравёр выбивал на табличках. «Ужас первого рассветного луча», «Страх солнца», «Карлик, застигнутый неожиданным рассветом», – исчезнувший маркграф был большим фантазером.

Впервые мне пришлось спуститься под землю несколько

лет назад в пещерах Драгборна. Три очаровательные девушки, называвшие себя «Алым шиповником», наняли меня в качестве проводника. Те места я знал плохо, но за душой не было ни гроша, и я согласился на эту работу, позволив женщинам собою командовать. Пришлось отыгрывать роль опытного следопыта. Иногда это выглядело... забавно. Я часто ловил на себе заинтересованные взгляды своих нанимательниц.

Марлис, Тересия и Адела мечтали найти фиал возрождения. По слухам, эти артефакты создал Безумный Кроу, спрятав в недоступных местах и оставил чудовищ для их охраны. Странная логика, но от волшебника с таким прозвищем можно было ожидать чего угодно.

Девушки тщательно скрывали от меня карту, на которой крестиком обозначалась пещера с творением сумасшедшего колдуна. Фиал возрождения обещал вторую жизнь. Второй шанс. Вторую судьбу. Но «Алый шиповник» погибли, все трое. Отправились за сокровищем, оставив меня одного в лагере, и не вернулись. В пещере рядом с их растерзанными телами я нашел следы василиска. Они вели в глубину, туда, где среди свисающих сталактитов клубилась тьма и завывал подземный ветер.

Я похоронил девушек у входа, рядом с окаменевшими цвергами. Трижды возвращался за телами, после чего копал могилы, ломая оружие о камни.

Теперь я снова под землей. Стены прорытого троллем туннеля, высокого, не вынуждающего нагибаться, скрепляла засохшая слизь. Тень идущего впереди Олега то путалась у меня под ногами, то запрыгивала на стены, словно сгусток ожившей темноты. На поднятой ладони моего друга горел волшебный огонь, и пламя отражалось в голубых глазах Илвы. Девушка шла рядом со мной, ступала мягко и осторожно, как хищный зверь, чувствующий опасность. Илва напряжена – дотронься, и она либо вздрогнет от неожиданности, либо откусит тебе руку.

В подземелье гулял ветер. Обдувал лица, вздыхал, словно море в огромной пустой раковине, накатывался волной и отступал, скрываясь в темноте. Казалось, что это дыхание великана Имира, спящего в глубинах земли.

Где-то впереди должен быть тролль, утащивший в черепе мой меч. Мы либо найдем его логово, и тогда вновь придется драться, либо туннель выведет на поверхность. Возможно, тролль сдох от моего удара, и его тело лежит во тьме бесформенной массой щупалец.

Олег шел, выпрямившись, равномерно и быстро переставляя ноги. С момента спуска в подземелье он еще не произнес ни слова. Его тень в очередной раз метнулась на стену, и я с опаской на нее посмотрел. У тени были щупальца. Они,

как и в комнате «Волчьей головы», тянулись ко мне, стараясь вцепиться множеством изогнутых коготков.

– Олег! – сказал я.

Щупальца спрятались. Мой друг остановился, но не обернулся. В его заплечном мешке шевелилась саламандра. Илва замерла и едва слышно зарычала, обнажив зубы. Мне показалось, что волосы у нее на затылке под тяжелой косой начали подниматься дыбом, и я опустил ладонь на ее шею.

– Х-х-е-е, – выдохнул Олег.

Эхо затихло в глубине туннеля: «Х-х-е-е».

Олег обернулся:

– Что? – спросил он нахмурившись.

Я перевел дыхание.

– Думаешь, они пойдут за нами?

– Обязательно. Сам Граф, конечно, не сунется, а вот своих людей в погоню пошлет. Во всяком случае, на его месте я бы так поступил. Такие, как он, не прощают врагов, боятся потерять авторитет в глазах банды. У нас в запасе есть время, пока они не раздобудут факелы.

Илва зажмурилась и вдохнула через нос сырой воздух туннеля.

– Идут, – сказала она и нагнулась.

Я испугался, что Илва превратится в волка, но она лишь опустила ладонь на землю.

– Человек десять, – девушка выпрямилась и вытерла запачканную слизью руку о свою куртку. – Только что спусти-

лись в туннель.

– У тебя такой нюх? – удивился я. – Можешь определить, что впереди?

– Нет, – покачала головой Илва. – У людей Графа резкий запах, я учуяла его еще на площади. Смесь пота, страха и отчаянья. Такой слышен издалека. А темнота впереди пахнет троллем. И опасностью. Мне трудно себя сдерживать, чтобы не стать... волчицей.

Мне захотелось ее обнять и успокоить, но, боюсь, Олег неправильно понял бы мой поступок.

– Я смогу их сдержать, – сообщил Олег, кивнув в сторону, откуда мы пришли.

– Нет! Мы идем дальше! Ты хочешь завалить проход, заперев нас в ловушке? Что, если впереди тоже тупик?

Я шагнул мимо него в темноту. Олег пожал плечами и пошел следом. Теперь моя тень бежала впереди.

– Но тролль же откуда-то приполз? – сказал Олег мне в спину.

Мы едва не бежали, зная о преследователях. Под ногами попадались осколки кирпичей и щепки – тролль рыл землю, не выбирая дороги, круша все на своем пути. Казалось, что вот-вот появится выход на поверхность, но мы все шли и шли по темному туннелю, сопровождаемые ветром.

– Издалека полз, – прошептал Олег.

– Под землей расстояние кажется большим, чем на самом деле, – сказала Илва.

– На самом деле, – повторил ее слова кто-то впереди.

«Ш-ш-ш», – накатился прилив подземного ветра. Саламандра захихикала.

Мы остановились. Огонь, горящий на ладони Олега, усилился и выхватил из темноты большее пространство. Пламя отразилось в двух глазах размером с блюдца. Олег отшатнулся, огонь вздрогнул, тени заплясали по туннелю.

– На самом деле, – сказали из темноты более испуганно.

«Ух-х-х», – скрылся ветер в глубине туннеля.

Я схватил Илву за плечи и зашептал ей на ухо:

– Все хорошо, успокойся, я рядом.

Ее ухо уменьшилось, снова став человеческим, выросшая на нем шерсть исчезла.

– Я в порядке, – сказала Илва и тихо зарычала.

Впереди лежал дохлый тролль, глядел на нас неподвижными глазами. Рядом с ним стояли два цверга. Один из них, с толстым носом, свисающим, как у обезьяны-носача, держал во рту курительную трубку и отрезал от тролля куски мяса моим мечом. Усы второго карлика топорщились в стороны и даже шевелились, делая его похожим на таракана. Усатый сжимал под мышкой заряженный арбалет и нанизывал срезанное мясо на прут. После того как нас заметили, арбалет мгновенно оказался у карлика в руке.

Для цвергов опасен лишь солнечный свет. Они стояли и недовольно шурились от волшебного огня моего друга. Нацеленный на нас арбалет ходил из стороны в сторону.

– Осторожнее с этой штукой, – сказал я. – Мы не причиним вреда. Нам нужно только пройти.

– Где выход? – нелюбезно спросил Олег.

Казалось, оружие в руках карлика не произвело на моего друга ни малейшего впечатления. Цверги переглянулись.

– На самом деле, – сказал Носач, оборачиваясь к нам и поднимая меч.

– Выход там есть или нет? – снова спросил Олег и махнул рукой, указывая в глубь туннеля. – Откуда приполз тролль?

– На самом деле? – удивился Носач.

– Тьфу! – плюнул Олег. Огонек на его ладони превратился в огненный шар.

– Что ты делаешь?! – заорал я. – Прекрати! Это всего лишь цверги! Они не опасны. Почти не опасны, – добавил я, глядя на арбалет.

Успею ли я его отобрать, прежде чем получу стрелу в живот? Не думаю, что стоит создавать лишние проблемы.

– Мы спешим. Нас преследуют люди Графа, – обратился я к карликам. – Мы идем дальше и расходимся мирно, договорились?

– На самом деле? – переспросил Носач и тут же обернулся ко второму. – Храф! – сказал он. – Храф!

– Храф! – заверещал Усатый, опуская арбалет.

Возникло сообщение: «Мастерство дипломатии достигло третьего уровня».

Мы прошли мимо цвергов, которые проводили нас тре-

возможными взглядами. Олег остановился возле Носача и выхватил у него изо рта трубку. Карлик отшатнулся, выставив перед собой меч.

– Спасибо, – кивнул Олег. – Потом сочтемся.

– На самом деле, – пробормотал цверг, в его словах дребезжала злость.

– Прячьтесь, – сказал я. – Или бегите. Это мой меч, но пусть он будет для тебя подарком в обмен за трубку. Зигфриду пора воссесть на отчий трон.

Они защебетали, зачирикали друг к другу, а потом Носач ухмыльнулся.

– На отчий трон, – повторил он, и я услышал его мысли, далекие, шипящие, словно подземный ветер. – Волшебник там.

Карлик махнул рукой в глубь туннеля.

– Что? – спросил я, но цверги уже слились со стеной.

Там, где они стояли, теперь клубилась мгла, будто карлики мне только привиделись.

Почему я услышал мысли цверга? Нахлынули забытые воспоминания из детства, которого не было. Я, тогда еще десятилетний мальчишка, спускался в сад по каменной лестнице. «Куда ты, господин? Отец не позволяет...» – пытался остановить меня Олх – слуга и телохранитель, но я лишь отмахивался от него. В саду меня ждал мой друг и учитель. Он мог быть камнем и деревом, ветром, несущим горячую пыль, и темнотой, приходящей, когда светит луна. И еще он

мог быть человеком. Стариком, учившим меня держать меч и слышать, о чем думают нелюди. Я старался читать его мысли.

– Скорее, – бросила Илва. – Люди Графа уже близко.

Сейчас не время для воспоминаний. Я оставил их на потом, зная, что при первой возможности снова к ним вернусь, возвращая моменты придуманного детства. Было приятно осознавать, что есть нечто, загадочное и необычное, хранящееся в моей памяти.

Мы осторожно протиснулись мимо туши тролля, переступая через серые щупальца. Пробежали несколько десятков шагов и наткнулись на дыру в стене. Туннель шел дальше, но в этом месте земля осыпалась, освободив разрушенную кирпичную кладку.

– Туда? – спросил Олег, заглядывая в дыру. От огня на его ладони вспыхнули свисающие пряди паутины. – Чей-то подвал? Возможно, выберемся на поверхность?

В туннеле послышался вскрик.

– Тетива щелкнула, – сказала Илва, прислушиваясь. – Цверги. Наверное, у них с Графом свои счеты.

Я протиснулся сквозь дыру. Тьма в подвале была не такой непроглядной, как в туннеле, – на потолке сквозь щели в деревянной двери пробивались серые полосы света. Вдоль стен стояли сундуки и стеллажи, заполненные припорошенными пылью книгами, колбами, ретортами и неизвестными мне устройствами – всем тем, что любят хранить алхимики

в своих кладовых. На ближайшей ко мне полке я узнал секстант, которым пользуются моряки и волшебники. Рядом в треснувшей реторте лежал глаз василиска, высохший и уже безопасный. В центре подвала в куче паутины сгрудились несколько лопнувших паучьих коконов, каждый размером с человеческую голову. Детеныши восьмипалого хищника давно выбрались наружу.

Противоположную стену занимал накопитель молний – большой стальной шкаф с множеством рычагов. Мелькнула мысль, а не загородить ли им дыру в стене, помешав преследователям? Нет, его не сдвинуть, слишком тяжелый. Да и опасно к нему прикасаться, бывало, что такие накопители хранили заряды десятки лет, выпуская молнии на свободу в самый неподходящий момент. Значит, выбираемся наверх.

Лестницы я нигде не нашел, пришлось подтащить под дверцу стеллаж.

– Олег, помогай, быстрее!

Я обернулся. Олег стоял в туннеле, раскинув руки. Из его рта торчала зажженная курительная трубка. Над ладонями плясали огни, на пол сыпались искры, разбегались и с едва слышными хлопками гасли в темноте.

– Огонь извечный, всепоглощающий, дай мне свою силу! Я выпускаю тебя на волю, сожги моих врагов! Развей их пепел. Освободи дорогу для твоего повелителя!

Слова у Олега выходили певучими, тембр звуков менялся от горлового баса до визгливых возгласов. Его речь заво-
ра-

живала, заставляла неотрывно прислушиваться. В ней слились природные стихии: тьма и огонь, силы вулканов и ветра, всесокрушающие и беспощадные.

Руки Олега сблизились, ладони сомкнулись, и по туннелю с ревом и клубами дыма прокатилась волна пламени. Я на мгновение ослеп. Илва упала на землю и завывала.

– Это их задержит, – услышал я возле себя обычный голос Олега. – Надеюсь, что они не успеют укрыться.

– Там же цверги! – Я разлепил глаза, перед которыми плыли огненные круги.

Олег, помогающий Илве встать на ноги, пожал плечами.

– Значит, не повезло.

Он закашлялся, вынул изо рта трубку, погасил и сунул в карман.

– Что за мерзость они курят? Пахнет как табак, а на вкус словно высушенные помои.

После чего поднялся на стеллаж, сбросив несколько книг. Упала и разлетелась вдребезги колба. Олег открыл дверь в потолок, стряхнув облачко пыли, и выглянул наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.